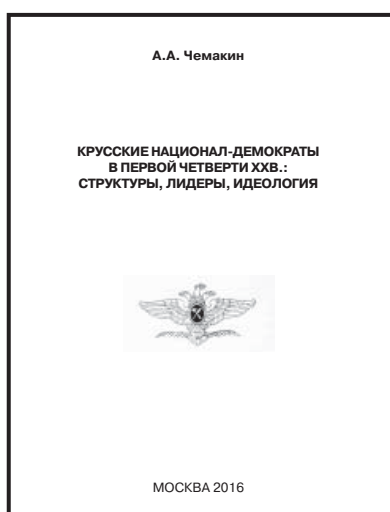

Последнее искушение империи: демократия и национализм

{ Post scriptum }

Чемакин А.А. Русские национал-демократы в первой четверти XX в.: структуры, лидеры, идеология (рукопись монографии)

Глава IV. Идеология русского национал-демократизма

- § 3. Империя и национальное государство.
Окраинный и инородческий вопросы*
- § 4. Украинский и галицко-русский вопросы*

{ Содержание }

Введение

Глава I. Вопросы историографии и источниковедения

Глава II. Зарождение и первые шаги русского национал-демократизма

§ 1. Идейные предшественники русских национал-демократов

§ 2. «Неославизм» Д.Н. Вергуна

§ 3. «Экономический национализм» Т.В. Локотя

§ 4. Дело русских национальных социалистов

§ 5. Дело московских национал-демократов

§ 6. «Литературно-общественный» сборник «Ладо»

Глава III. Национал-демократизм как партийное течение

§ 1. Национал-демократы в 1912–1913 гг.: в поисках печатного органа и спонсора

§ 2. «Монархист-демократ» М.А. Караулов: биография и политические взгляды

§ 3. Крестьянская и Независимая группы IV Государственной думы

§ 4. Народная партия: история создания, лидеры, думская фракция

§ 5. Имперская народная партия в мае – июле 1914 г.

Сборник «Новая Россия»

Глава IV. Идеология русского национал-демократизма

§ 1. Национал-демократы в поисках социальной опоры

§ 2. Государственный строй России

§ 3. Империя и национальное государство. Краинный и инородческий вопросы

§ 4. Украинский и галицко-русский вопросы

§ 5. Внешняя политика, обороноспособность страны и военно-патриотическое воспитание

§ 6. Религия и Церковь

§ 7. Отношение к другим партиям и правительственной политике

Глава V. Русские национал-демократы в 1914 – первой половине 1920-х гг.

§ 1. От «конструктивной оппозиции» – к революции: М.А. Караулов и Независимая группа в первой половине 1914 – начале 1917 гг.

§ 2. Деятельность «атамана-республиканца» М.А. Караулова в марте – декабре 1917 г.

§ 3. «За Веру, Царя и Отечество»: взгляды Т.В. Локотя в 1920-е гг.

§ 4. Национал-демократические структуры в годы Гражданской войны и эмиграции

§ 5. Судьбы русских национал-демократов начала XX в.

Заключение

Список источников и литературы

Приложения

Империя и национальное государство. Страницы истории

Окраинный и инородческий вопросы

Вопрос о соотношении понятий «империя» и «национальное государство» весьма актуален и в наши дни. Зачастую можно встретить противопоставление «имперцев» и национал-демократов, как будто бы эти понятия являются взаимоисключающими. В начале XX века такого противопоставления не существовало, и русские национал-демократы были одновременно и русскими имперцами. Журнал «Дым Отечества» именовал взгляды национал-демократов «имперской национальной идеей»¹, а П.В. Васильев писал, что «Россия есть и будет *национальное государство – “Российская Империя”, под орлом которой найдут себе место и право все входящие в ее состав народности и группы*»². Отношение к окраинному и инородческому вопросам, обостренным в те годы до предела, по сути служило критерием, по которому можно было судить о принадлежности той или иной политической силы к националистическому лагерю. И национал-демократы не были исключением и раскрывали свое понимание национализма именно через призму этих проблем.

Т.В. Локоть использовал понятие «русская нация» в двух значениях: в первом случае оно включало в себя всех подданных Российской империи, во втором – три «русские народности (национальности)», великороссов, малороссов и белорусов. «*Русская нация, как субъект, представитель и обладатель русского государства, конечно, включает в себя все те национальности, которые объединены под общим скипетром русской верховной власти; все они имеют право на обладание той долей прав и преимуществ, связанных с государством, какая соответствует доле исторического и фактического участия каждой из них в создании государства*»³, – писал он и делал вывод, что русские национальности как исторические основатели и хозяева русского государства должны занимать первенствующее положение в империи.

Экономическую борьбу между национальностями в рамках государства и нации Т.В. Локоть признавал естественной и считал, что она не мешает общему целому, если только не переходит в ненависть и вражду. Соответственно,

¹ Организация народной партии // Дым Отечества. 1914. 24 апреля. № 17 (75). С. 2.

² Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. Основы русской государственности // Новая Россия. СПб., 1914. С. 68.

³ Локоть Т.В. Демократизм и национализм // Локоть Т.В. Оправдание национализма. Киев, 1910. С. 14.

и отношение к инородцам, признающим первенствующее положение русских, у него было лояльным. Впрочем, он яро критиковал представителей еврейской буржуазии и польского дворянства, считая, что те занимают позиции, не подобающие их роли в государственном строительстве, и поэтому должны делиться с русским народом как более слабой в экономическом отношении национальной группой. Вполне естественно, что он поддерживал лозунг «Россия для русских»¹. Он писал: «Ну, а для кого же Россия?... Россия – для евреев? Россия – для немцев? Россия – для англичан?... Удивительная у нас логика! Если бы немцу сказали, что Германия не для немцев, или что позорно говорить – “Германия – для немцев”, – он бы счел это в лучшем случае – за глупость, за полное отсутствие национального и государственного самосознания. А у нас... считается не только некультурным, а просто даже неприличным думать и говорить: “Россия – для русских”! Пусть наши читатели знают, что “Киев” считает вполне естественной и единственно возможной формулой государственного самосознания русских граждан: *Россия – для русских!* Это совершенно не значит, что мы хотели бы “изгнать” из России евреев, не пускать в Россию немцев, англичан, американцев, китайцев..., это значит лишь одно: всякий русский гражданин должен свято уважать свое государство, как целое, а отдельным народностям, входящим, в состав государства, отводить то место, какое принадлежит им по справедливости! С государственной точки зрения необходимо отводить первые места тем народностям, которые положили больше труда на создание государства. Бесспорно поэтому, что великорусской и малорусской национальности принадлежит по праву первое место в государственной политике России. Поэтому же бесспорно, что в малорусском районе первое место принадлежит малорусской национальности, которую мы для этого края и считаем *коренной*. Бесспорно, что в польском районе – на первый план должны быть поставлены интересы коренного населения района – польского»².

Он признавал права поляков на свою национальную территорию и скептически относился к возможностям русификации Привислинского края. Локоть не верил в возможность сохранения статус-кво в польском вопросе и склонялся к тому, что это положение все равно изменится. А следовательно, не стоит и тратить деньги на польские учреждения. В письме к графу П.Н. Игнатьеву в мае 1913 года он предлагал не тратить выделяемые два миллиона рублей на находящийся в Царстве Польском Новоалександрийский институт (хотя сам там работал и, казалось бы, должен был радоваться таким финансовым вливаниям!), а использовать их в коренном русском регионе или на такой окраине, как Холмщина³.

Примерно такой же была его позиция и по отношению к Финляндии: «Русские национальные интересы в Финляндии едва ли настолько велики, чтобы оправдывать агрессивную политику по отношению к этой небольшой, культурной, трудолюбивой, лишенной всякого политического задора по отношению к центральному правительству, – иноплеменной части Российской Империи. Агрессивная политика всегда сопряжена с жертвами с той и с другой стороны... Оправдываются ли эти жертвы теми практическими результатами в пользу русских национальных интересов, какие могут быть достигнуты агрессивной политикой? Не практичнее ли была бы политика медленного, постепенного колонизационного осуществления русских национальных интересов в Финляндии – путем поддержки русской торговли и промышленности в Финляндии,

¹ См. на эту тему подр.: [Иванов, 2015: 34–42]. *Примеч. ред.*

² [Локоть Т.В.] Конечно, – «Россия для русских»! // Киев. 1910. 12 января. № 1. С. 18.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 906.

путем постепенного расширения и укрепления русского чиновного элемента в Финляндии?»¹ – задавался вопросом он. В целом же эти вопросы Т.В. Локотя не слишком занимали (в отличие от еврейского, о котором будет сказано ниже), и его отношение к полякам и финнам было достаточно равнодушным.

Группа участников сборника «Ладо» считала, что русские вполне могут найти компромисс с поляками. Они выступали за предоставление Польше определенного самоуправления, но в обмен на отделение от польских губерний тех территорий, которые заселены русским народом, то есть в первую очередь Холмщины. Защищая в Думе законопроект о выделении Холмщины, граф Бобринский говорил, что этой край должен быть един с «коренной Россией» и даже «в бесспорном национальном владении не России, – здесь все Россия, – но Руси, чтобы это поле было не только частью Российского государства, но чтобы оно было всеми признано национальным народным достоянием, искони русской землей, т.е. Русью»².

Д.Н. Вергун эти вопросы поднимал даже намного раньше, чем Бобринский. Так, в составленной им в 1897 году «Программе червонорусской молодежи» содержались не только требования разделения Галиции на русскую и польскую части по этнографической границе (с присоединением лемков к первой), но и выделения из состава Привислинского края земель малорусских (Холмская и Седлецкая губернии) и белорусских (Сувалкская губерния) «для этнографической целостности русского народа и справедливого разграничения русского и польского племен»³.

Депутат Думы Д.Н. Чихачев писал в «Ладо», что «Царство Польское – накануне введения в нем городского самоуправления, а всякое самоуправление в нем по характеру и направлению своему может быть только польским. При этих условиях выделение Холмщины является безусловно необходимым, так как иначе русскому населению этого края грозит полное ополячивание»⁴. «Излечить» от полонизма эту «больную» окраину должны были русская школа, русское самоуправление и русская церковь. Вполне естественно, что ставку приходилось делать на демократические слои населения, так как все дворянство в крае было польским.

В 1916 году в записке «Некоторые соображения об устройстве Царства Польского» тот же Д.Н. Чихачев подробно изложил свои взгляды на польский вопрос, с которыми, на наш взгляд, были вполне солидарны и Вергун, и Локоть, и ряд других национал-демократов⁵. Проблема должна была быть решена, по мнению Чихачева, в соответствии с интересами России и основного ее ядра – русского народа, а все другие интересы и соображения отойти на второй план. Крайне важным условием он считал «достижение настолько решительного и последовательного размежевания коренных русских областей с Польшей, чтобы исчезла опасность, что Россия примет, по выражению В.А. Елагина, “Польшу внутрь и отравится Польшей во всех отношениях”, чтобы была устранена культурная и экономическая зависимость западно-русского населения – белорусов и малороссов от поляков и дальнейшее ополячение не стойких в национальном отношении элементов русского населения сделалось бы невозможным. Необходимо устранить и другую опасность – чрезмерное влияние поляков на вну-

¹ [Локоть Т.В.] Воззвание по поводу Финляндии // Киев. 1910. 23 января. № 3. С. 9.

² Государственная Дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия пятая. Ч. 1. Заседания 1–41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). СПб., 1911. Стб. 2745.

³ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об.

⁴ Чихачев Д.Н. Программа национальной политики в будущей Холмской губернии // Ладо. СПб., 1911. С. 141.

⁵ Записка эта сохранилась в архиве Д.Н. Вергуна.

треннюю политическую и культурную жизнь России и вмешательство их, в интересах Польши, в наши внутренние дела»¹.

Другим условием Чихачев считал «недопущение привилегированного положения воссоединенного польского края в отношении Империи как в области обороны государства, так и в области финансового обложения и участия в общегосударственном долге. Схема их взаимоотношений не должна допускать возможности экономической зависимости в будущем коренных русских местностей от Польши и завоевания русских рынков польской промышленностью»². Кроме того, должно «быть гарантирование того, что русский человек и на территории объединенного Царства Польского будет чувствовать себя дома и что меньшинству населения будет предоставлена возможность пользоваться в публичной жизни своим языком»³.

Если эти условия будут выполнены, он полагал целесообразным установление отношений, соответствующих самой широкой политической автономии и даже приближающихся к понятию реальной унии. Соответственно, российский император становился одновременно и польским королем, а все вопросы, касающиеся и Польши, и России, должны были решаться в особых делегациях, избираемых Думой и польским Сеймом. Все должности в Царстве Польском должны были замещаться поляками, но при этом они лишались бы права занимать должности на остальной территории империи. Между Царством Польским и Россией восстанавливалась внутренняя таможенная граница. «Помимо единства Престола Империю и Царство Польское связывала бы общность основных законов, управления делами православной церкви, Министерств Иностранных Дел, Военного и Морского, а также государственной казны, государственного кредита, монетной системы и внешней таможенной границы»⁴. Д.Н. Чихачев специально подчеркивал, что, «разумеется, этнографическая граница, отделяющая будущую Польшу от остальной России, является для русского человека условием *sine qua non* для ее выделения – ни Белоруссия, ни Холмская губерния, ни Восточная Галиция с Лемковщиной не могут войти в состав объединенного Царства Польского»⁵.

Таким образом, этот проект предполагал если и не сепарацию Польши от России, то серьезный шаг в этом направлении. По крайней мере предполагалось полное и окончательное размежевание русских и польских территорий внутри Российской империи. Участники «Ладо» предлагали выделить и «огородить» русскую национальную территорию внутри империи, а в обмен дать больше прав польской окраине.

Вопрос Финляндии национал-демократов, собравшихся вокруг «Ладо», волновал меньше, но, похоже, потенциально они были готовы к аналогичным шагам и по отношению к ней. Во всяком случае, среди них доминировало восприятие и Польши, и Финляндии как регионов со своей развитой национальной культурой и во многом чуждых России и русскому народу. Так, например, М.Л. Горшков, живущий в Гельсингфорсе, сообщал о перспективах русской национал-демократии в Финляндии: «Говорил я здесь и пропагандировал идею национального возрождения России. Увы, пустота. Две противоположности здесь. Одна – жми-дави, другая – не тронь. С типами, подобными нашим, очень трудно говорить, и я уверен, что национальные течения здесь не привьются. Только раз по введении закона об уравнивании прав русских с финнами может

¹ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 382. Л. 2 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵ Там же. Л. 4.

что-либо выйдет. <...> Может быть, этот закон раскачает офинившихся и даст толчок к пробуждению национализма, а пока что мертвая зыбь и поголовное пьянство доминируют над головами русских людей в Финляндии»¹.

Похожей на предложения участников «Ладо» была идея ряда депутатов Думы, в том числе М.А. Караулова, А.П. Савватеева, М.И. Канашева и ряда других, выделить Черноморскую губернию из состава Кавказского наместничества, подчинить ее общеимперским центральным учреждениям и ввести в ней земство². Обосновывалось это тем, что по своему географическому положению она имеет мало общего с Закавказьем (отделена от Кавказа высоким горным хребтом), гораздо более тесно связана с европейской частью России, при всей космополитичности состава населения русские составляют в ней более 60% населения, в судебном отношении принадлежит к округу Новочеркасской палаты и в экономическом отношении также тяготеет к России. Немного позже М.А. Караулов составил аналогичное законодательное предположение и в отношении Терской области³.

Программные документы Имперской народной партии благодаря централизаторским стремлениям П.В. Васильева и И.И. фон Зека звучали менее лояльно по отношению к полякам и финнам. В своей, можно сказать, программной статье П.В. Васильев писал, что в России сложилось два взгляда на отношение к инородцам. Первый – взгляд национальной великорусской исключительности, проповедуемый национал-консерваторами из Всероссийского национального союза. Второй – либеральный взгляд на все народности империи как полностью равноценные. Второй точки зрения придерживались и многие из тех представителей интеллигенции, кто стал в последние годы называть себя прогрессивными националистами или национал-либералами. В связи с этим П.В. Васильев отмечал, что трудно понять, почему она «может быть названа “русским” национализмом и чем она лучше старого равнодушия к русской национальной идее и ее задачам»⁴. Идеалом первых, по его мнению, «является *национально-однородное Московское царство*, идеалом вторых – *национально-разнородная федерация*, низведение значения русского племени до уровня остальных»⁵. Оба варианта, как он считал, нельзя было назвать «здоровым национализмом».

«Итак, какой же национализм можно признать “здоровым”? – задавался вопросом П.В. Васильев. – Угнетение одним племенем других бесспорно – болезненное явление, ибо оно создает в государстве внутренних врагов, но и предлагаемый способ создания национальных автономий ведет не к миролюбию, а к жесточенной борьбе за право наибольшего обособления и вызывает усиление центробежных сил. А значит – и это род национализма не может быть назван здоровым. Где же выход? Он есть и заключается именно в “защите государственности” <...>. Да, государственность только и может быть тем коррективом к национализму, который в чистом виде неминуемо катится по дороге распыления народностей или же к подавлению наиболее сильными слабыми, что, в сущности, является двумя фазами одного и того же процесса. Государственность в нашем понимании останавливает национальный распад и в то же время кладет предел национальному поглощению. В интересах государственности всегда будет национальный мир и стремление к племенному сближению,

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 533. Л. 46.

² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 351а. Л. 1–2 об.

³ Караулов М.А. Северный Кавказ и наместничество (Письмо депутата) // Терек. 1914. 26 января. № 4814. С. 3.

⁴ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. Какой национализм может быть назван здоровым? Ответ А. Боровому // Дым Отечества. 1914. 12 (25) июня. № 24 (82). С. 8.

⁵ Там же. С. 8.

но естественному, “незаметному”, <...> которое возможно только при полной гражданской, политической свободе и при уничтожении национальной исключительности инородческого населения и окраин. Не посягать на национальную культуру кого-либо, а, предоставив ей свободу в местной жизни, в быту, ввести только, в некоторых случаях, как равноправный, в иных, как первенствующий – государственный язык, – вот что считаем мы необходимым условием крепости Империи»¹.

Следовательно, государственные учреждения окраин, суд и школа (кроме начальной) должны употреблять государственный язык как главный, а местный – как вспомогательный; частные школы, наоборот, имеют право преподавать на местном языке, но при этом должны ввести общегосударственный язык в качестве одного из предметов. «Поступая так, утверждая единый официальный язык, государство вовсе не преследует целей русификации и национальной борьбы, а имеет в виду только одно благо страны и населения, которое, как бы оно ни называлось по национальности, есть *русские граждане*. Это будет не переплавка отдельных национальностей в другую народность, а лишь придание всем народностям общегосударственного характера. Можно, конечно, отстаивать право национальностей на свою чистоту, оправдывая ее с точки зрения “вегетарианской” морали, но все же от этого ничего не изменится в действительности, которая говорит, что *чистой народности нигде нет*. Более того, только скрещение и ассимиляция дают возможность здоровья и роста национальностей, теряющих при этом свои мелкие особенности и закрепляющих свои наиболее прочные характерные национальные черты. Государство не против национальных² (но не политических) различий в населяющей его среде, но оно за наибольшую близость между его народностями и всеми мерами способствует их взаимодействию и влиянию друг на друга»³.

Таким образом, «разница между видами национализма, каковых теперь определяется три, в следующем: националисты-шовинисты выдвигают исключительность одного племени, *националисты-федералисты* – равноценность всех племен. И те и другие *одинаково отводят государству служебную роль* для нации или наций. Мы, считая себя националистами-государственниками, или империалистами, признаем два начала: *государственность и национальность равноценными*, слитными. Государственность – не пустая форма, а двигатель общественного развития, национализм – источник силы его. Поэтому значение державной нации может быть получено и удержано *лишь по праву его первенства* в историческом, культурном и количественном смысле, но никак не голой силой и ограничительными законами. Исходя из этого, мы и форму национальной организации государства ставим в зависимость не от принципа, а от факта состояния национальных сил. В настоящее время, по крайней мере, мы твердо уверены, что *этот факт ведет не к федерации, а к имперскому единству*»⁴. «В смысле национальном государственники национал-демократы, исходя из практических соображений, не могут признать никаких национально-политических автономий или окраинных “гомрулей” <...>, хотя и укороченных, так как это повредит имперскому единству, не удовлетворит настроенное сепаратистически инородное население и осложнит и затруднит для государ-

¹ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. Какой национализм может быть назван здоровым? Ответ А. Боровому // Дым Отечества. 1914. 12 (25) июня. № 24 (82). С. 9.

² В данном случае с точки зрения современной науки было бы более корректно употреблять слово «этнических», а не «национальных».

³ Там же.

⁴ Там же.

ства организацию внутренней жизни. Всякие гомрули и автономии наполняют внутреннюю общерусскую жизнь междоусобицей и племенными раздорами на политической уже почве и затормозят культурно экономическое развитие страны. Пример Австрии – рядом»¹, – подводил итог своим размышлениям П.В. Васильев. Когда сторонники «гуманитарного национализма» указывали в качестве примера Англию, которая, мол, не господством одной британской нации над другими удерживает свои колонии, а предоставлением последним полной свободы и самостоятельности, П.В. Васильев отвечал, что английские колонии основаны на национальном принципе, а не географическом, что население Канады или Австралии – англичане и поэтому предоставление им автономии вполне естественно. В других же, инородческих, регионах – в Индии или Ирландии – англичане действуют предельно жестко и никаких автономий не допускают. Вместе с тем, он полагал возможной полную свободу развития инородцев в области религии, быта и экономических взаимоотношений, но не в области государственного строительства, видя в таких попытках проявления сепаратизма.

Однако, к удивлению либералов, П.В. Васильев поддержал решение Государственного совета отклонить законопроект о введении городского самоуправления в Привислинских губерниях с польским языком в качестве официального языка прений и делопроизводства, объясняя это тем, что Госсовет, действуя таким образом, стоял на строго государственной точке зрения. Полагая, что «необходимым условием сохранения единства и территориальной неприкосновенности государства является единство языка в государственных учреждениях (а местные общественные самоуправления по своим функциям входят в число государственных учреждений), то установление повсеместного употребления общего имперского языка – самое разумное и естественное, и оно же является нейтрализующим средством, смягчающим на окраинах межплеменную рознь»². При этом он считал, что польский язык не должен быть полностью изгнан из самоуправления, а лишь поставлен на второе место после государственного. «Удовлетворительно решить польский вопрос предоставлением краю самостоятельности и даже конституции Россия уже пыталась и в результате только разожгла аппетиты польской нации, исторической соперницы России на почве влияния в славянстве, еще не изжившей мечты о восстановлении своей государственности. Все уверения, что современные поляки иные и не хотят бороться против русской государственности, опровергаются польской печатью, особенно зарубежной. <...> Борьба Польши с Россией есть прежде всего борьба за государственность – с тою только разницей, что у второй она есть в настоящем, у первой же была в прошлом и страстно ожидается в будущем. Эта борьба шла веками и впиталась в психологию польского, как более национально настроенного и объединенного народа, и погасить эту борьбу одним росчерком пера невозможно. Всякая уступка будет сочтена лишь, как уступка; значит, слабость противника им внушит надежду на большее»³. Кроме того, подобная уступка могла вызвать, по его мнению, цепную реакцию и привести к аналогичным требованиям со стороны Грузии, которая имеет прав на самостоятельность едва ли не больше Польши, Армении и двадцатимиллионного мусульманского населения России. Но даже если все ограничится автономией или даже независимостью только Польши и Финляндии, то это будут

¹ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. Два суждения // Дым Отечества. 1914. 3 (16) июля. № 27 (85). С. 4.

² Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. Поражение беспринципности // Дым Отечества. 1914. 15 мая. № 20 (78). С. 2.

³ Там же.

государства-буферы, «которые, не давая России ничего взамен, станут для нее предметом усиленной заботы, а для ее соседей лакомым куском»¹.

И.И. фон Зек придерживался той же точки зрения, доказывая, что в данном случае претензии поляков несправедливы, ведь «добрую половину населения польских городов составляют евреи», а «ополячение последних не может быть допустимо русскою правительственною властью, которая вообще не должна терпеть в государстве никакого национально-культурного поглощения одной народности другою, кроме русскою державною»². Он отмечал, что последнюю четверть века правительство проводило политику эмансипации одних инородцев от других: литовцев – от поляков, латышей и эстонцев – от немцев, финнов – от шведов, и признавал эти меры весьма разумными. «В польских городах особенно важно поддержать независимость еврейского элемента, так как последний там абсолютно чужд польскому национализму, настроен не сепаратически, а имперски, и сам немало терпит от польского антисемитства. Вообще же ясно, что раз на местах не одна народность, а две, обе нерусские, то невозможно признавать официальным языком в учреждениях общественных один из этих двух языков. Таким языком может и должен быть только третий, нейтральный, общегосударственный – русский. Унижать евреев насчет поляков не годится»³.

П.В. Васильев отмечал, что не стоит бояться, «что снятие таможенной черты между Россией и Финляндией и введение русского языка в польских городских самоуправлениях, при вспомогательном польском языке, повлечет за собою упадок местных культур. Если финская национальная литература и искусство создавались народом, находящимся в чуждых шведских тисках, а плеяда славных польских писателей, любимых и охотно читаемых в России, расцвела при отсутствии польской государственности, которую, как ветхий сосуд, разбила история, то и дальнейшее *государственное объединение этих окраин с Империей при неперменном условии*, – его мы выдвигаем одновременно – *национальной свободы* (искусства, литературы, общественной и экономической жизни, быта) не убьет, а разовьет культуру этих народностей. Этому развитию может помешать лишь, одинаково равно, как безудержная русификация (борьба с польскими вывесками), так и питание несбыточных иллюзий относительно того, что национально-государственные интересы Русской Империи могут без вреда для себя примириться с национально-политическим обособлением окраин»⁴.

В итоге Имперская народная партия в своем проекте программы отказалась от признания автономии Польши и Финляндии, чем вызвала в свой адрес серьезную критику со стороны профессора А.Л. Погодина, полагавшего, что «никак нельзя согласиться <...> с взглядом имперской народной партии» на этот вопрос⁵. Он считал, что за Польшей надо признать право на национальную автономию, а за Финляндией – таможенную обособленность, собственную конституцию и вообще особый строй управления, при этом уравнивая русских в правах с финнами⁶.

¹ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. В защиту государственности: Ответ профессору А.Л. Погодину // Дым Отечества. 1914. 26 июня. № 26 (84). С. 7.

² Вечевой [Зек И.И., фон]. Польская загадка // Дым Отечества. 1914. 12 (25) июня. № 24 (82). С. 4.

³ Там же.

⁴ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. В защиту государственности: Ответ профессору А.Л. Погодину // Дым Отечества. 1914. 26 июня. № 26 (84). С. 8.

⁵ Погодин А.Л. Между Сциллой и Харибдой // Биржевые ведомости. 1914. 12 (25) июня. № 14 (198). С. 1.

⁶ Там же.

В целом похожим было отношение Имперской народной партии и к вопросу об использовании языков других меньшинств в образовании. «Если понятно требование инородцев, имеющих свою особую культуру, свою богатую духовную национальную жизнь, например, поляков, – признания равноправным с русским своего родного языка, то смешно говорить о языках, не имеющих даже своей письменности»¹, – писал П.В. Васильев. Он отмечал абсурдность тезиса либералов о «равноправии всех языков» и их требования вводить повсюду образование на родном языке, даже в том случае, если у этого народа нет своего алфавита. В качестве примера он приводил предложение одного из участников съезда по народному образованию ввести обучение карелов на карельском языке – и это при том, что сами учителя карельских школ таких требований не выдвигали. Наоборот, полагал П.В. Васильев, изучение общегосударственного языка выгодно для инородцев и с практической точки зрения, и с культурной, а родной язык в инородческой школе вполне может играть роль подсобного. Требования же либералов, по его мнению, могли привести только к «отчуждению народностей от Империи»².

М.А. Караулов был далек от подобных мыслей, и, как видно из его деятельности, автономистские и даже федералистские мысли у него были всегда (по крайней мере по отношению к казачьим регионам), но он предпочитал не ставить их на повестку дня, полагая, что реализовать в ближайшее время их все равно невозможно. Остальные члены партии также не уделяли этому вопросу серьезного внимания, и уже год спустя, правда, в изменившихся условиях, в программу партии пункт об автономии Польши и Финляндии будет включен.

В отношении прибалтийской окраины И.И. фон Зек предлагал опереться на местное население как противовес немецкому дворянству: «Эстонцы и латыши, исконное население и численно подавляющее большинство края, являются в лице класса землевладельцев-собственников элементом высококоляльным по отношению к русскому государству. Они свыклись с русской властью, уважают нашу культуру и не проявляют солидарности национальных чувств ни с какою зарубежною народностью. Но они устранены от общественного дела и у себя, на родной земле своей, изображают немецких париев»³. Так, например, поземельные повинности взыскивались со всех землевладельцев вне зависимости от происхождения, но собранные суммы поступали в кассы ландтагов, которыми полностью распоряжались немцы. И.И. фон Зек делал вывод, что «учреждение в Прибалтийских губерниях земств на демократических, бессловных началах прекратит этот совершенно нетерпимый порядок вещей и, подвергнув серьезному испытанию хваленую лояльность немецких помещиков, создаст на окраине органы самоуправления, которые и явятся надежным оплотом русской государственности и умерят аппетиты пангерманистов»⁴.

Являясь сторонниками дифференцированной политики в культурной сфере (в зависимости от региона, соотношения там русского и туземного населения, уровня развития последнего и т.д.), национал-демократы выступали за унификацию норм уголовного и процессуального права. И.И. фон Зек отмечал, что «в Финляндии действует шведское гражданское право, в Прибалтийских губерниях – т. III свода местных узаконений, в Привислинских – Кодекс Наполеона, в Черниговской и Полтавской – части Литовского статута, в Бессарабской –

¹ Волховской Н. [Васильев П.В.] В тумане общих фраз // Дым Отечества. 1914. 3 января. № 1 (59). С. 5.

² Там же.

³ Сухов И. [Зек И.И., фон] Прибалтийские крепостники // Дым Отечества. 1914. 5 (18) июня. № 23 (81). С. 4.

⁴ Там же.

кодекс Доница и Арменопуло, в Грузии – Законы царя Вахтанга»¹. Он полагал, что такое положение не является нормальным ни для одного европейского государства и поэтому требуется введение нового Гражданского уложения на пространстве всей империи. Национал-демократы, выступая за ликвидацию средневековых пережитков на окраинах, приветствовали отмену хизанских отношений в Тифлисской и Кутаисской губерниях, представлявших, по их мнению, своеобразную форму рабовладения (безземельный крестьянин с согласия помещика селился на его земле на условии бессрочного пользования, за что обязывался отбывать натуральные повинности в установленном размере, а уйти мог лишь после того, как возвращал инвентарь и постройки хозяину)².

Будучи сторонниками широкого местного самоуправления, национал-демократы все же в некоторых случаях высказывали опасения по поводу сепаратистских тенденций. Так, например, проекты национал-либералов из «Нового звена», призывавших к обособлению Сибири от Империи путем «выделения особого сибирского бюджета» и создания «центрального местного совета», воспринимались «Дымом Отечества» как политическое младенчество и характеризовались как сепаратизм, призывы к расчленению родины и разрушению русской государственности³. Впрочем, национал-демократы считали, что зачастую правые и националисты преувеличивают сепаратистскую опасность на окраинах в личных политических целях. Например, фон Зек писал, что «народный восторг, сопровождавший Государя Императора во время путешествия Его по Бессарабии, патриотические чувства, выраженные местной интеллигенцией, по отношению к общей родине великой России, обнаружили всю вздорность и нелепость распространяемых политическими шайками Крупенских и Пуришкевичей легенд»⁴.

Выступая за поддержку русского меньшинства на окраинах, национал-демократы осознавали пагубность исключительно ограничительной политики по отношению к инородцам. Караулов считал, что русскому населению нужна дружная сплоченная работа на экономической и культурной почве: «Пора русскому населению в России чувствовать себя в роли хозяина и вершителя судеб, но не какого-то вечного плакальщика, отвоевывающего себе права от инородческого населения. Засилья не может быть там, где ведется разумная работа, законно отстаиваются реальные права и где русские хотят и могут восстановить элементы справедливости и честного отношения к делу»⁵. Примерно в том же ключе рассуждал и В. Глыбин: «При сильной культурной работе не трудно будет тогда предвидеть время, когда ненужные ограничения инородцев спадут; русский народ сделается сильным в культурной борьбе, и ему не страшно будет соревнование других народов. Между тем, ныне мы ограничиваем других, *но и не совершенствуемся сами*. Нам могут крикнуть – “Вы, желая оставаться невеждами, только задерживаете других”. Наша великодержавная политика должна заключаться в немедленном и неустанном совершенствовании. Дайте же русскому народу вырасти из пеленок»⁶.

Национал-демократы выступали за экономическое и культурное развитие

¹ Вечевой [Зек И.И., фон]. Государство без суда единого // Дым Отечества. 1914. 19 июня. № 25 (83). С. 2–3.

² К прекращению хизанских отношений на Кавказе // Дым Отечества. 1914. 8 мая. № 19 (77). С. 4.

³ «Новое звено» // Дым Отечества. 1914. 13 февраля. № 7 (65). С. 14.

⁴ Сухов И. [Зек И.И., фон] Бессарабские клеветники // Дым Отечества. 1914. 3 (16) июля. № 27 (85). С. 9.

⁵ Караулов М. Засилья или бессилья? (К выборам в Нахичевани) // Дым Отечества. 1913. 12 сентября. № 37. С. 6.

⁶ Глыбин В. Да здравствует русская народная партия // Дым Отечества. 1914. 16 января. № 3 (61). С. 5.

окраин, но в интересах в первую очередь русского народа. Так, фон Зек поднимал вопрос об осушении прибрежных болот и стоячих вод, строительстве шоссе и железных дорог на Кавказе в целях развития курортов и туризма. И тогда «русский народ получит в свое действительное пользование обширное пространство вечного тепла и целебного, животворящего воздуха, место отдыха и радости, край неисчерпаемого плодородия, который своими фруктами, вином и чаем удовлетворит потребности всей России и сделает предметы эти доступными по цене бедным классам населения»¹.

Национал-демократы полагали, что колонизация соседних с Россией территорий, например, приобретение частными лицами пустующих земель в Астрабадской провинции Персии выгодна для русского народа. Но, как отмечал Н.Н. Карпов на страницах «Дыма Отечества», «наша неумелость колонизовать окраины общеизвестна», а правительство нисколько не помогает предприимчивым русским людям, а зачастую мешает им². Он писал, что «с точки зрения обеспечения нашего положения в Туркестане и предотвращения каких-либо враждебных нам проявлений весьма полезно водворить на свободных землях Хивы и Бухары, в огромном большинстве случаев гораздо лучших, чем в наших Средне-Азиатских владениях, возможно большее число русских переселенцев, которые всегда будут нашей опорой»³.

Н.Н. Карпов, специализирующийся в «Дыме Отечества» на переселенческом вопросе, четко разделял меры, необходимые на трех колонизируемых окраинах – закавказской, среднеазиатской и сибирской. В Закавказье, писал он, при огромном преобладании туземного населения над русским, свободных пространств для водворения русских оказывается мало, и поэтому этот небольшой запас земель всецело должен быть предоставлен русскому элементу, так как только при данном условии численность его может быть увеличена настолько, чтобы составить заметный процент. Подобная же политика должна проводиться и в Средней Азии, где свободных земель больше, но на их орошение требуются значительные средства. При этом, по его мнению, надо разрешить селиться в Средней Азии не только русским из четырех малороссийских губерний, но и русским жителям с севера страны. В Сибири же и на Дальнем Востоке заселенность территорий низкая и почти нет туземного населения, но в будущем есть опасность проникновения на эти территории китайцев. Поэтому Н.Н. Карпов считал, что надо разрешить переселяться на эти территории не только русским, но и полякам и представителям других народностей Западного края. Таким образом, можно решить сразу несколько проблем – начать полноценное освоение этих территорий и противостоять нежелательным переселенцам из Китая, дать возможность полякам работать в России, а не уходить в поисках заработка в Германию, и, наконец, попытаться ассимилировать хоть какую-то часть польского населения (для этого на Дальнем Востоке их следует селить не компактно, а разбросать между территориями, уже заселенными русскими)⁴. При этом, правда, в другом месте он же утверждал, что надо «твердо помнить, что наши окраины не колонии, а такая же сплошная территория государства, как и остальная его часть»⁵, но предложения его носили вполне колониальный

¹ Вечевой [Зек И.И., фон]. Истребите комара! // Дым Отечества. 1914. 3 января. № 1 (59). С. 10.

² Карпов Н. Не жалуем предприимчивость // Дым Отечества. 1914. 9 января. № 2 (60). С. 9.

³ Карпов Н. Неотложное дело // Дым Отечества. 1914. 30 января. № 5 (63). С. 5.

⁴ Карпов Н. К переселенческому вопросу // Дым Отечества. 1914. 15 мая. № 20 (78). С. 5–6.

⁵ Карпов Н.Н. «Переселение» или «колонизация»? К рассмотрению переселенческой сметы // Дым Отечества. 1914. 29 мая. № 22 (80). С. 6.

характер. Н.Н. Карпов выступал против того, чтобы русские переселенцы сразу же получали землю в частную собственность, полагая, что лишь прочно водворившиеся переселенцы могут ее выкупить. По его мнению, государство должно было оставаться собственником земли, предоставляя ее переселенцам в пожизненное пользование. Такие меры наиболее полно обеспечивали упрочение переселенцев на новых землях¹.

К обрусению всех азиатских народностей национал-демократы не стремились. Каких-либо жестких мер по эксплуатации инородцев они также не предлагали и ничего не имели против повышения уровня жизни и культурного развития инородческого населения, но интересы русских для них стояли на первом месте. Русские города и поселения в Средней Азии в окружении многомиллионного инородческого населения должны были стать оплотом русской государственности, обеспечить политическое и экономическое господство русского народа на этих территориях. Но уровень текущего управления окраинными регионами вызывал у них множество вопросов. Так, М.А. Караулов от имени фракции Народной партии с трибуны Государственной думы требовал установления большей определенности во взаимных отношениях Империи и Бухары и реорганизации судебных и административных учреждений в Бухаре². Также национал-демократы выражали сожаление, что до сих пор отсутствует план развития русского Дальнего Востока, вследствие чего на повестке дня стоит множество вопросов, в том числе «желтый» (китайский)³.

Выступая за политическое доминирование русского народа на имперской территории, применительно к частной жизни национал-демократы выступали за равенство всех граждан вне зависимости от происхождения: «... Будучи национально-русским, государство может и должно стремиться быть воплощением высшей справедливости. Оно охраняет личную свободу граждан, невзирая на национальности, и ставит предел их деятельности только там, где нарушаются чьи-либо справедливые интересы. *За населяющими Россию инородческими племенами с развитым национальным самосознанием оно признает право на самоопределение и развитие самобытной культуры*, но пока это явно не противоречит интересам державной нации в целом»⁴.

А.П. Савватеев отмечал, что «присвоение русской народности наименования господствующей, державной не должно вызывать у других российских народностей представление об угнетении, несправедливости их»⁵. Он писал, что «будущая народная партия безусловно положит в основу своих отношений к инородцам *империализм*, то широкое толкование национализма, которое признает все народности частями единого организма – государства, и, преследуя

¹ Карпов Н.Н. «Переселение» или «колонизация»? К рассмотрению переселенческой сметы // Дым Отечества. 1914. 29 мая. № 22 (80). С. 6. Он полагал, что такой метод является традиционным для русского народа и сильно отличается от методов западноевропейских: «Весь ход нашей истории с достаточной очевидностью показывает, что, пока мы в области внутренней и внешней политики идем, придерживаясь почвы действительности и следуя нашим здоровым самобытным приемам, до тех пор дело у нас идет правильно и прочно, и государство получает пользу, но, как только с этой почвы практики мы устремляемся в область бюрократических фантазий, наша внутренняя и внешняя политика начинает идти неверными путями...» (Там же).

² Государственная дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. Заседания 98–111 (с 30 мая по 14 июня 1914 г.). СПб., 1914. Ст. 1355.

³ В-ин Д. Что делается на Дальнем Востоке // Дым Отечества. 1914. 20 марта. № 12 (70). С. 4.

⁴ Как мы понимаем задачи русской национал-демократии // Дым Отечества. 1914. 9 января. № 2 (60). С. 7.

⁵ Савватеев А.П. Русская Народная Партия и инородцы // Новая Россия. С. 55.

свои главные задачи, станет направлять свою деятельность таким образом, чтобы народности, входящие в состав Российской Империи, чувствовали себя не пасынками, а истинными сынами общей для всех родины и находили в этой партии настоящую защиту своих интересов, а это вполне возможно, ибо «любовь к своему коренному нисколько не исключает благожелательного и сердечного отношения не только к родственному, но и ко всему, спаянному дружбой, общностью интересов и лояльным отношением к государственным задачам в широком смысле этого слова»¹. Следовательно, «каждый демократически и прогрессивно настроенный» человек, «какой бы то ни было народности, признающий свою неразрывную связь с русским государством и верящий в великие культурно-национальные силы русского народа, может смело входить в состав членов Народной партии и принимать одинаковое со всеми коренными русскими участие в государственном строительстве на благо всего народа и своей народности, в частности»².

Хотя на страницах национал-демократических изданий можно было встретить рассуждения о борьбе рас, под этим скорее понималась конкуренция крупных этноязыковых общностей, например, славянских и германских народностей. Собственно расистские взгляды в современном понимании национал-демократы не разделяли, и вполне допускали возможность принятия инородцев в состав русского народа. Так, например, «Дым Отечества» позитивно отозвался о случае принятия живущим в Петербурге китайцем православия³.

В качестве примера эффективности национал-демократической позиции в инородческом вопросе «Дым Отечества» приводил такой случай – поднесение чеченцами Корана и адреса на арабском языке М.А. Караулову за защиту интересов горцев Терской области (чеченцев, кабардинцев, осетин) и внесение законодательных предложений об учреждении на Северном Кавказе особого духовного мусульманского управления (муфтията), об уничтожении горских словесных судов, о введении земских учреждений в Терской области и др. Чеченцы писали «заседающему в Высшем Государственном Собрании России, называемом Думой, мужу храброму, как неустрашимый лев, непоколебимых убеждений, твердой решимости, – Михаилу Александровичу Караулову»: «До нас дошло, что ты заботаешься о нас, чеченцах, заботою большою и обращаешь сильное внимание на наши дела, обнаружив тем существующие в тебе добрые стремления ко благу общему и пользе постоянной и раскрыв богатство своего природного благородства. Ты подтвердил в том чистом Собрании умных и достойных славу свою, как человека, умеющего устраивать дела населения и удовлетворять его нужды, каковы закон о духовной семинарии и о муфтии и др., которых достойны свободные чеченцы, и которые им должны быть даны. При этом ты отбросил назад и закрыл глаза на то, что произошло между нашими отцами и дедами в их долгие войны, когда они, сражаясь, кололи и рубили друг друга мечами. И это доказывает, что в тебе – высокая справедливость и великая человечность, – качества, достойные благородных, прощающих обиды простому народу»⁴.

Историк А.И. Миллер, описывая взгляды П.Б. Струве на проблему взаимоотношений между нацией и империей, справедливо отмечает, что тот «писал о национальном государстве-ядре, в котором русские племена спаялись в единую нацию. Дальше он говорит о том, что это национальное ядро имеет способность

¹ Саватеев А.П. Русская Народная Партия и инородцы // Новая Россия. С. 57–58.

² Там же. С. 58.

³ Обращение в православие китайца братцем Иоанном Чуриковым // Дым Отечества. 1914. 12 (25) июля. № 24 (82). С. 12.

⁴ Члену Государственной Думы Михаилу Александровичу Караулову от благодарной Чечни. 1 февраля 1914 г. // Дым Отечества. 1914. 17 апреля. № 15–16 (73–74). С. 8.

к расширению; и он отличает его от расширения империи. Он говорит о том, что связь окраин с национальным ядром может быть в одном случае чисто или по преимуществу государственной. А в другом – государственно-культурной, доходящей в своем окончательном развитии до полного уподобления, обрусения инородцев» [Миллер, 2005: 28–29]. Это описание вполне подходит и к взглядам национал-демократов, которые, очевидно, нашли бы общий язык с П.Б. Струве на этой почве.

В целом же для национал-демократов было характерно стремление к административному выделению русской национальной территории («русской России», «Руси») из общей территории Российской империи при безусловном сохранении последней. К «Руси» относились примерно территории современных России, Украины, Белоруссии, северного Казахстана (Южный Урал) и части Польши (Холмщина). Финляндия и большая часть Польши воспринимались как чужеродные, но при этом развитые национальные образования, которым можно предоставить определенную автономию (как минимум – культурную, а как максимум – и политическую) и ассимиляция которых в состав русской нации и не нужна, и невозможна. Промежуточное положение занимали достаточно развитые грузинские, армянские и прибалтийские территории, отношение к которым окончательно не было определено, но право на самостоятельную культурную жизнь за ними признавалось. Народы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока рассматривались как потенциальные объекты ассимиляции, а Средняя Азия и часть Кавказа – как фактически колониальные владения. Продвижение русско-го населения на эти территории и расселение на них национал-демократы приветствовали.

Таким образом, Российская империя и Русское национальное государство в их представлении существовали одновременно и накладывались одно на другое. В соответствии с их взглядами, можно выделить три основных вида территорий в составе Российской империи:

1) русское национальное государство в пределах проживания русской нации (плюс проживавшие там же малые финно-угорские и тюркские народы, которые должны были быть ассимилированы – полностью или частично);

2) Польша и Финляндия (плюс потенциально Армения, Грузия, Литва, Лифляндия и Эстляндия), обладавшие своими достаточно развитыми культурами и связанные с Россией государственно и династически, но не национально и культурно;

3) колонии (в первую очередь Средняя Азия и некоторые территории Кавказа).

Это условное разделение необязательно предполагало разный правовой статус для этих территорий, но предопределяло в первую очередь разные режимы в сфере культуры: активная, но ненасильственная русификация в первом случае, отсутствие ее – во втором и частичная – в третьем (только там, где живут русские колонисты).

Необходимо сказать несколько слов и о еврейском вопросе, весьма важном в российской политической повестке начала XX века и привлекавшем внимание заинтересованной публики.

Профессор Т.В. Локоть был единственным из национал-демократов, для кого еврейский вопрос играл важную, а может быть, и ключевую роль. Он создавал свою национал-демократическую теорию в то время, когда жил в Киеве, где русско-еврейские отношения были чрезвычайно обострены, и это не могло не сказаться на его взглядах. Поэтому его версия национал-демократии имела определенные антисемитские черты, а сам он получил в либеральной среде репутацию завзятого юдофоба. Именно отношением к еврейскому вопросу обосновывала переход Локотя к национализму видный деятель кадетской партии

А.В. Тыркова-Вильямс. 19 января 1910 года она записала в своем дневнике: «Вчера был А.А. Свечин¹. Он мягкий и широкий человек. Говорит о евреях с улыбкой. Считает, что без них было бы трудно им, помещикам. Но все-таки понимает, что трудовик Локоть начал печатать в Киеве националистический журнальчик, п[отому] ч[то] евреи их на Юге-Западе одолели. “Еще один еврей ничего. Но они тащат за собой всех родственников. И это уже слишком. Помещик-еврей делает много добра крестьянам, но экономия наводнена приказчиками-евреями. Три мужика пашут, а за ними еврейчик бежит”»².

Т.В. Локоть полагал, что «евреи, более столетия живущие одной государственной жизнью с коренным населением России, конечно, тоже – граждане России. Но они явились к нам в качестве, главным образом, носителей капитала, а капитал – всегда стремится к экономическому господству. За экономическим господством неизбежно следует господство общественное, политическое. С голыми руками бороться против такого господства – нельзя. Бороться против капитала можно или капиталом же, или – пока его нет – силой государственной власти. В руках массы коренного населения России капиталов пока мало. Но в его руках есть государственная власть. И эта власть должна – в естественной борьбе национальностей за господство – стать на сторону коренных национальностей. Будем уважать права всех и каждого – по справедливости! Пусть и евреи уважают экономические права и интересы коренного населения, пусть поэтому примирятся с известными ограничениями своих экономических прав и преимуществ – до тех пор, пока условия экономической борьбы станут равными, а ограничения сделаются излишними. Пусть евреи делятся экономическими позициями с коренным населением, пропорционально численности и исторической роли коренных национальностей, пусть будут солидарны с ними в чувстве государственности, в уважении к государству, как к целому, – и “анти-семитизма” – не будет!»³.

Свое выступление против еврейского равноправия он обосновывал тем, что принцип абсолютного равенства выгоден только для сильных национальных групп, и невыгоден для слабых. Соответственно, и выступление в пользу еврейского равноправия со стороны русской интеллигенции является недемократической позицией, предательством интересов русского народа, на данный момент экономически слабых⁴. Т.В. Локоть опирался на работы немецкого экономиста и социолога В. Зомбарта, отмечавшего, что надо изучать социально-экономические группы не только по социально-экономическим признакам, но и по признакам национальным, и занимавшегося изучением экономического влияния еврейской национальной группы⁵.

Используя материалы переписи населения Российской империи, Локоть приводил статистические данные, согласно которым евреи, составляя 4,03% населения, занимают среди людей, занимающихся торговлей 32,66% мест, промышленностью – 10,71%, врачебной и санитарной деятельностью – 8,68%, наукой, литературой и искусством – 10,75%, частной юридической деятельностью – 8,44%, живущих доходами с капитала и недвижимости – 10,58%. И толь-

¹ Свечин А.А. (1865–1929), полковник гвардии в отставке, председатель Черниговской губернской земской управы, член ЦК кадетской партии, депутат I Государственной думы.

² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 89.

³ [Локоть Т.В.] Россия – для русских! // Киев. 1910. 12 января. № 1. С. 18.

⁴ Локоть Т.В. Демократизм и национализм // Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 16.

⁵ Локоть Т.В. Национально-демократическое мировоззрение // Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 31.

ко в администрации, суде и полиции евреев 0,39%, а на общественной и сословной службе – 1,61%¹. Если допустить евреев и в сферу государственного управления, то, по мнению Локотя, это приведет к тому, что они, обладая экономической силой, займут и там такое же непропорциональное положение. Следовательно, «свободный доступ евреев и в группу “государственной власти” повлечет за собою неминуемое понижение процента той же самой демократической интеллигенции в коренных национальностях, рост которой во всяком случае в интересах национальной демократии! <...> Русская демократическая интеллигенция будет относительно уменьшаться, а за счет этого уменьшения будет относительно увеличиваться еврейская радикально-космополитическая интеллигенция»². В результате коренные национальные группы (великороссы, малороссы и белорусы) будут бедны и экономическими, и культурными, и интеллектуальными силами, не смогут полноценно развиваться и уступят свое политическое доминирование в России.

Он также отмечал, что не является врагом еврейства как национальности, что его газета «Киев» к интересам еврейской бедноты и еврейского пролетариата «будет относиться с таким же уважением и сочувствием, как и к интересам русского пролетариата, – несмотря на то, что *защита* этих интересов и не входит в специальные задачи газеты; но газета будет проводить вполне определенное требование к еврейской буржуазии, а именно – требование делиться своими буржуазными позициями с молодой, нарождающейся буржуазией русской, а в нашем крае – малорусской...»³. Т.В. Локоть считал, что надо ограничивать экономические и материальные права и преимущества евреев, связанные с образованием: не лишать их самой возможности получать образование, но дипломы и соответствующие права выдавать не свыше того процента, который евреи составляют в населении России⁴.

Таким образом, по его мнению, ограничения в отношении евреев будут способствовать росту русской буржуазии и росту русского среднего класса, которые, в свою очередь, создадут экономическую базу для русской нации. Соответственно, ограничения эти Т.В. Локоть рассматривал как временные до тех пор, пока экономически слабое русское население не окрепнет. При этом он не надеялся только на ограничения, призывая русское (и в первую очередь малорусское) население к самоорганизации. Так, например, он приветствовал создание Киевского русского торгового общества, планирующего «содействовать *объединению* лиц – русско-подданных, *христианского* вероисповедания, имеющих право торгова». «Общество является, следовательно, *национальным*: оно принимает в число своих членов и – этим путем – объединяет только русско-подданных христиан, т.е. евреи членами общества быть не могут», – заключал Т.В. Локоть⁵.

Также Т.В. Локоть старался отделить отношение к евреям как к социально-политической группе от отношения к евреям как к людям. Он писал: «Русские националисты говорят: “мы считаем нежелательным – в интересах русской национальной группы – расширение политических прав евреев в России”. Но они не говорят: “мы ненавидим жидов, а потому... бей жидов! Русские националисты за ограничение евреев в политических правах, пока это признается ими не-

¹ Локоть Т.В. Национально-демократическое мировоззрение // Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 35–38.

² Там же. С. 40.

³ Локоть Т.В. Программа газеты «Киев» // Локоть Т.В. Национализм и евреи. Киев, 1910. С. 14.

⁴ [Локоть Т.В.] Нужно ли евреям образование? // Киев. 1910. 12 января. № 1. С. 19.

⁵ [Локоть Т.В.] Киевское Русское Торговое Общество // Киев. 1910. 13 февраля. № 6. С. 1–2.

обходимым в национальных и государственных интересах; но они – не за национальную ненависть, тем более – не за погром! А ненависть, как чувство личное и кровное, конечно, легко может довести и до... погромов!»¹. Сравнивая думские речи черносотенца Г.Г. Замысловского, употребляющего слово «жид», и националиста В.В. Шульгина, Т.В. Локоть отмечал, что второй выглядел сильнее и убедительнее, как раз в силу бесстрастности и вежливости. «Пора перестать обзывать евреев “жидами”, – заключал он. – Право, от большей сдержанности в обращении с *личностью* противника только выиграет в силе и убедительности наша критика противника по существу!..»².

По всей видимости, Т.В. Локоть был искренен в своих взглядах и не пытался обосновать экономическими выкладками свой личный антисемитизм. Какого-либо предубеждения против евреев у него явно не было: он много лет работал в разных киевских газетах, большая часть сотрудников которых были евреями, а в 1909 году, по его словам, даже приглашался в число учредителей «Общества борьбы с антисемитизмом»³. Также Т.В. Локоть выступал за отмену черты еврейской оседлости, но обосновывал свою позицию не гуманистическими мотивами, а в первую очередь интересами Юго-Западного края: почти все евреи империи скапливались именно здесь, что приводило к постоянным межэтническим конфликтам и серьезно мешало местным малорусским предпринимателям.

В «Ладо» позиция составителя сборника Д.Н. Вергуна и его сторонников была высказана не прямо, а в иносказательной форме – с помощью рассказа чешского писателя С. Чеха «Вечный жид». Отказываясь от религиозных предрассудков и расового антисемитизма, Д.Н. Вергун и его сторонники были готовы принимать выходцев из еврейской среды в состав русской нации (и, шире, славянской общности), но при этом подчеркивали, что подобный компромиссный путь – это дорога с двусторонним движением, которая требует от тех евреев, которые хотят получить равные гражданские права, отбросить свою племенную обособленность и раствориться в принимающей народности. То есть, по большому счету, это было требование культурной ассимиляции в обмен на гражданские права. Позицию эту можно считать промежуточной между позициями крайне правых и либералов: группа Д.Н. Вергуна допускала уравнивание евреев в правах (в отличие от крайне правых), но при этом требовала выполнения ряда условий (в отличие от либералов, требующих полного и безоговорочного равноправия для всех евреев). В московской программе «народных националистов», опубликованной в «Ладо», также говорилось о том, что «в видах государственных необходимо снятие черты еврейской оседлости», а «экономическая борьба коренного русского населения с инородцами возможна лишь посредством создания национальных экономических организаций: артелей, кооперативов, союзов и проч.»⁴.

Впрочем, участников «Ладо» можно встретить и условно «антисемитские» тезисы. Так, М.Я. Балясный в своей статье упоминал о «всемирно-еврейской плутократии», застрельщиками которой являются сионизм и бундизм, боевые формы специально-еврейского национализма⁵. В письме к Д.Н. Вергуну, обсуждая продажу части акций «Нового времени» банкиру Д.Л. Рубинштейну, М.Я. Балясный восклицал: «Каких возмутительных дел наделали М. и Б. Суворины с «Нов. Вр.». Неужели наступила агония газеты и ее русского дела? Неужели

¹ Локоть Т. «Жид» и Замысловский // Киевлянин. 1912. 8 мая. № 127. С. 2.

² Там же.

³ Локоть Т.В. Pro domo sua (Моим критикам) // Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 63.

⁴ Балясный М.Я. Чего ждать от русского национализма? // Ладо. С. 175.

⁵ Там же. С. 171.

опять торжество жидов и кагала? Не хочется верить, больно и обидно верить»¹. Д.Н. Вергун в одной из своих статей, посвященных, как обычно, австро-венгерской политике, упоминал некоего Бомбалеса, воспитателя императора Франца-Иосифа I. По мнению Д.Н. Вергуна, именно еврейское влияние привело к антиславянской политике императора и именно евреи «гальванизировали полуомертвелых в потугах разъединения “сиамских близнецов”» – Австрию и Венгрию. «Вергун написал в “Нов. Вр.” предлинную статью о Франце-Иосифе. Как водится, статью надо было приправить евреем», – иронизировала по этому поводу левая газета «День»².

В целом, хотя группа Д.Н. Вергуна особого интереса к еврейскому вопросу не проявляла (для нее он был всегда второстепенным по сравнению со славянским вопросом) и ничего не имела против ассимилировавшихся евреев, антисемитские пассажи у ее участников встретить было можно.

Печатный орган Имперской народной партии также иногда касался еврейского вопроса. Так, в одной из статей «Дыма Отечества» обсуждалось положение евреев в армии. Приводя распространенное мнение, что евреи – плохие солдаты, автор задавался вопросом, чем вызвано такое положение вещей – еврейской психологией или неравноправием? Он склонялся ко второму варианту, приводя примеры плохого обращения с евреями-солдатами, унижающего их человеческое достоинство, отмечал негласный запрет производить евреев в унтер-офицеры: «Нелюбовь еврея к военному ремеслу является следствием и явной несправедливости, и глумления над ним, и презрения к нему, в связи с особенностями природы еврея, формирует из него тот тип “плохого солдата”, который присущ издавна представлению о нем русского общества»³. Он приводил примеры хорошей службы евреев в западноевропейских армиях, и делал вывод, «что если бы русско-еврейские семейства чувствовали себя везде и всегда совершенно русскими, т.е. равноправными, то и сыны их с честью выполняли бы воинскую повинность, не уступая другим народностям России»⁴. Автор отмечал, что «неудовлетворительность военной службы русских евреев кроется не в расовых, не в религиозных, а только и единственно в социальных причинах», и приводил эти причины – скученность, нищета и постоянное недоедание, род и характер занятий еврейского пролетариата в черте оседлости⁵. Но в конце статьи делался вывод во многом противоположный основным тезисам автора: он, видимо, полагая, что еврейское равноправие в России сейчас невозможно, приходил к заключению, что «вследствие особо специфических условий, сопровождающих жизненный путь русского еврея» было бы целесообразно совершенно устранить их от воинской повинности, заменив ее денежным налогом; это, по его мнению, улучшит их бесправное положение и будет способствовать экономическому и культурному подъему русского еврейства⁶.

¹ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 33. Л. 15–15 об.

² Хватил // День. 1916. 11 ноября. № 311 (1471). С. 4; ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Д. 1253. Л. 5.

³ Ю. Л-ий. Положение евреев в армии // Дым Отечества. 1914. 1 мая. № 18 (76). С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 7–8.

⁶ В этом плане интересно мнение симпатизировавшего национал-демократам профессора А.Л. Погодина, высказанное им по схожему поводу уже в годы Первой мировой войны. Он писал своему знакомому в Петроград: «Я нахожу новым и очень чувствительным ударом для нашего национального самолюбия проектируемый закон об евреях, которых будут консервировать по канцеляриям в то время, как русскую молодежь будут перебивать на позициях. Разве не понимают, что искусственно сохранять еврейство, ког-

Сотрудники «Дыма Отечества» иронически относились к черносотенному «жидоедству», помещая в своем издании юмористические заметки наподобие следующей: «Редактор черносотенной газеты “Искорка” г. Осипов внезапно умер, сидя в компании за обедом в ресторане. Вскоре в той же газете стали появляться статьи, указывавшие, что Осипов отравлен жидами. Губернаторским расследованием было установлено, что Осипов умер, объевшись сосисками, простоквашей и ягодами»¹.

В мае 1914 года «Дым Отечества» отмечал «истинно государственный взгляд» князя В.П. Мещерского, соглашаясь с тем, что «относительно евреев партийная политика правительства <...> прежде всего роняет престиж правительства, так как всякому дает странное зрелище притеснения еврея честного, способного и даровитого, который нужен многим областям промышленного и профессионального труда в России, но небогатого и не обходящего закон взятками, и бессилия мешать еврею с деньгами, живущему только для наживы и только для своих барышей, нарушать и обходить все законы»². Соглашалась редакция и с мнением князя, приводящего Германию в качестве примера: «По еврейскому вопросу вы увидите, что все евреи равноправны с германским населением. Но зато всякий засмеялся бы вам в лицо, если бы вы спросили, достигают ли евреи обхода закона в свою пользу за взятки, – потому что мысль обходить закон в Германии никому и в голову не может прийти. Дальше. Равноправие евреев сравнивает их по закону с германскими гражданами в военной службе; но рядом с этим же закон дает каждому полку право принимать или не принимать еврея в офицеры. Достоин – он будет принят, не достоин – не будет принят»³. В одном из следующих номеров «Дыма Отечества» положительно оценивал высказывания издателя «Гражданина», являющегося противником ограничений прав евреев, участвующих в торгово-промышленной жизни страны, отмечая, что «выступление патриота и консерватора князя В.П. Мещерского в защиту гонимых инородцев лишней раз подчеркивает всю антигосударственность теперешнего сугубо-националистического курса»⁴. Вообще, похоже, для «Дыма Отечества» князь был большим авторитетом в еврейском вопросе, и ссылки на него встречаются постоянно. В его некрологе отмечалось, что «будучи верующим христианином, В.П. Мещерский не делил людей на эллинов и иудеев. “Гражданин” всегда отстаивал законные интересы наших инородцев. Особенно возмущался он гонениями, воздвигаемыми политическими проходимцами против евреев»⁵.

Б. Громов на страницах «Дыма Отечества» рассказывал о ситуации, сложившейся в Санкт-Петербургской консерватории: власти решили сократить

да русская интеллигенция идет на убой, преступно перед всей Россией. <...> Слышали ли вы, что в феврале проектируется общий набор мужчин и что собираются брать даже нас, профессоров? Конечно, пойду безропотно, куда надо будет, но правильно ли уничтожать те ничтожные культурные силы, на которых основывается вся высшая школа в России и без которых Россия станет еще темнее. Впрочем, останутся жидки-спекулянты, которые искусственным подбором будут плодиться и множиться» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1058. Л. 826). Характерно, что, принадлежа к либеральному лагерю, Погодин не допускал подобных высказываний на публике, но, как мы видим, в частной переписке он был намного более откровенен. Так что, вполне возможно, далеко не все национал-демократы были искренни в своем лояльном отношении к еврейству. Они вполне могли рассматривать это отношение как тактический маневр, как необходимость отмежеваться от крайне правых и шовинистических элементов.

¹ «Умученный» от жидов // Дым Отечества. 1914. 22 мая. № 21 (79). С. 13.

² Обзор печати // Дым Отечества. 1914. 22 мая. № 21 (79). С. 9.

³ Там же.

⁴ Обзор печати // Дым Отечества. 1914. 3(16) июля. № 27 (85). С. 11.

⁵ Кн. В.П. Мещерский // Дым Отечества. 1914. 17 (30) июля. № 28–29 (86–87). С. 16.

расходы и отменить бесплатное обучение, и в результате для учеников-евреев удаление из консерватории было равносильно выселению из столицы. Б. Громов заступился за них, отмечая, что следует не только отменить это ошибочное решение, но и поддерживать наиболее талантливых учеников для того, чтобы «кончающие не гнались ради куска хлеба за уроками, часто грошовыми, не распылялись среди массы музыкальных педагогов»¹. Из этих примеров видно, что национал-демократы из группы А.Л. Гарязина в принципе ничего не имели против идеи еврейского равноправия. Правда, про него самого говорили, что «евреев он не любит»². Но это нисколько не мешало, например, входить в его ближайшее окружение А.Ф. Филиппову, происходившему из семьи насильно крещенного еврея-кантониста, при этом состоявшему в петербургском отделе Всероссийского национального союза (и ушедшему из него вслед за А.Л. Гарязиным) и позиционировавшему себя как националиста-державника [Лебедев, 1998: 153]. Некоторое время А.Ф. Филиппов был редактором «Дыма Отечества», но в создании партии участия уже не принимал, занявшись изданием собственной газеты «Деньги», финансовыми махинациями и шантажом банков и компаний, угрожая им публикацией компромата. В дальнейшем он сойдется с большевиками и будет работать на ЧК и лично Ф.Э. Дзержинского [Кривошеева, 2009: 70–98].

Лидер Имперской народной партии М.А. Караулов тоже относился к евреям вполне лояльно. Во время одного из заседаний думской комиссии по военноморским делам произошла небольшая словесная перепалка между ним и Марковым 2-м. Марков предложил не допускать в качестве фельдшерниц-акушерок в лечебные заведения отдельного корпуса пограничной стражи лиц иудейского вероисповедания. М.А. Караулов и ряд других депутатов самым решительным образом возражали против предложения правого депутата:

«– Зачем это вам нужно? – задал, между прочим, М.А. Караулов вопрос Маркову 2-му.

– А затем, – ответил Марков 2-й, – что евреи источают из младенцев христианскую кровь.

– Ну и ответ, – воскликнул, протестуя М.А. Караулов.

– Какое дело, таков и ответ, – заявил на это Марков 2-й»³.

В феврале 1914 года члены Независимой группы вместе с депутатами-мусульманами стали инициаторами законодательного предложения об отмене ограничений в правах на вступление в сословие присяжных поверенных для лиц мусульманского вероисповедания⁴. Проект был подписан 54 депутатами, в том числе и несколькими кадетами.

Дело заключалось в следующем: в 1889 году было издано Высочайшее повеление, ограничивавшее свободный ранее доступ в сословие присяжной и частной адвокатуры лицам нехристианского вероисповедания. Ограничительный закон был направлен в первую очередь против иудеев, но отразился и на представителях иных конфессий – и прежде всего на мусульманах. Поэтому, «оставляя совершенно в стороне общий вопрос об еврейском равноправии и воздерживаясь в настоящее время от предложения Государственной Думе того или другого решения еврейского вопроса, подписавшиеся депутаты не находят

¹ Громов Б. Реформы в С.-Петербургской консерватории // Дым Отечества. 1914. 5 (18) июня. № 23 (81). С. 8.

² ОР РНБ. Ф. 774. Д. 20. Л. 11 об.

³ Инцидент в Гос. Думе из-за акушерок // Петербургская газета. 1913. 1 ноября. № 300. С. 4.

⁴ О снятии ограничений для мусульман // Дым Отечества. 1914. 13 февраля. № 7 (65). С. 11.

никаких оснований для указанных ограничений по отношению к лицам мусульманского вероисповедания и... предлагают Государственной Думе действие Высочайшего повеления 8 ноября 1889 года об ограничениях в правах на вступление в число присяжных и частных поверенных в зависимости от вероисповедания – отменить в отношении лиц мусульманского вероисповедания»¹. Узнав о содержании законопроекта, руководство кадетов отнеслось к нему крайне негативно и потребовало от членов фракции отозвать свои подписи.

А.П. Савватеев, комментируя это решение, отметил, что «авторы законопроекта стояли на совершенно правильной точке зрения, <...> ибо руководствовались реальным соотношением сил в законодательных учреждениях и возможностью, при настоящей политической конъюнктуре и отношении правительства к еврейскому вопросу, достичь хотя бы частичного улучшения в правовом положении инородцев мусульманского вероисповедания. Они не юдофобствовали, считаясь с действительностью, а не находили полезным для законодательной деятельности устраивать бесполезную демонстрацию»². По его мнению, это решение кадетов показывало, что Конституционно-демократическая партия, декларирующая полное равноправие всех национальностей, на самом деле не следует своим программным установкам: «Конечно, и непосвященным в закулисные тайны руководителей этой фракции вполне очевидны те причины, которые вызывали указанное выше постановление. Законопроект идет навстречу нуждам только одной народности – мусульманской, не обнимает собой интересы главным образом других народностей и главным образом – еврейской. Все эти соображения дают основания признать кадетов тоже “националистами”, но националистами в особом роде – не русскими, обязанными служить интересам коренного русского племени, а “еврейскими” или “еврействующими”. Интересы еврейского народа играют преобладающую роль в заботах кадетов, занимают <...> первенствующее место перед интересами других народностей»³. «Где же это пресловутое равноправие народностей? Мы не видим его при такой тактике кадетов, – возмущался А.П. Савватеев. – Чем иным, как не угнетением одной народности другою явилось это решение фракции?! Мусульманская народность не смеет мечтать об улучшении своего положения, доколе евреи не пользуются теми же правами, какими авторы законопроекта намереваются наделить мусульман <...>. Никакой постепенности в деле снятия ограничений для инородцев не допускается. Если идти последовательно в таком направлении, если руководствоваться такой тактикой, можно прийти прямо до абсурдных положений – придется вывести такое заключение, что не только инородцы, но и коренной русский народ не может рассчитывать на отмену многих ненормальных пережитков в его правовом положении вне тех необходимых, по мнению кадетов, условий, при которых еврейский народ может одновременно получить удовлетворение своих законных интересов»⁴. К тому же, по мнению А.П. Савватеева и членов Независимой группы, такое решение кадетов могло привести только к распространению антисемитских настроений. Мусульмане будут винить в своих бедствиях именно евреев, и «при таких условиях всякий и благожелательно настроенный к евреям человек может невольно сделаться юдофобом»⁵.

Таким образом, члены фракции Народной партии в теории ничего против еврейского равноправия не имели, но считали попытки разрешения этого во-

¹ Савватеев А.П. Русская Народная партия и инородцы // Новая Россия. С. 51.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 52–53.

⁴ Там же. С. 53–54.

⁵ Там же. С. 54.

проса в сложившихся условиях бессмысленными и бесперспективными, способными только испортить отношения Думы с правительством и обострить и без того непростые межэтнические отношения в империи. Видимо, именно по этой причине в программе Имперской народной партии еврейский вопрос был обойден стороной, никаких мер по его решению предложено не было.

Подводя итог, отметим, что для всех национал-демократов был нехарактерен расовый и религиозный антисемитизм, все они выступали за отмену черты оседлости, осуждали погромы и шовинистическое отношение к евреям. Впрочем, часть из них (в первую очередь Т.В. Локоть и представители группы Д.Н. Вергуна) допускала антисемитские высказывания, обосновывая их социально-экономическими и этнокультурными мотивами. Для представитель второй группы (Имперская народная партия и группа М.А. Караулова) антисемитизм в целом характерен не был, но они, полагая, что вопрос о еврейском равноправии в настоящее время разрешен быть не может, стремились вообще обходить его стороной. При этом они считали, что оппозиция слишком много внимания уделяет еврейскому вопросу и тем самым ставит себя в неудобное положение.

Украинский и галицко-русский вопросы

Галицко-русский вопрос, учитывая сам генезис национал-демократического движения в Российской империи и малороссийское происхождение ряда его лидеров, не мог не занимать достаточно важного места в его повестке дня. Он, в свою очередь, был тесно связан с проблемой украинства и – шире – с идеей общерусского единства.

Д.Н. Вергун с юности был ярким противником украинства и сторонником присоединения Галичины к Российской империи. Он полагал, что «критерием для определения русской национальности в Прикарпатской Руси должно служить:

1) Православное вероисповедание (в Буковине – сплошное, – и отдельные общины в Галиции и Венгрии).

2) Восточный обряд греко-униатской церкви.

3) Обиходное местное русское наречие в части населения, официально приписанного к римско-католической церкви в восточной Галиции.

4) Сознание принадлежности к “старой вере” (o-hid) среди омадьяренного населения северо-восточной Венгрии и название “ogosz” (русский)¹.

Исходя из таких, весьма широких, критериев, Д.Н. Вергун считал, что «западную границу русского племени нужно вести, переходя из Холмской губ., по реке Сану, притоку его р. Вислоку до истоков Дунайца, затем, перевалив Карпатские горы, по Попраду и водоразделу притока Дуная р. Вага и западных притоков реки Тиссы по р. Шая. Южной границей русского племени нужно считать верховья реки Тисы, восточной границей – истоки реки Вышевой, притока Тисы»². По его подсчетам, на этой территории проживало около шести миллионов русского населения, которое, «несмотря на шестивековое отторжение его от русского корня, <...> не утратило сознания своей принадлежности к русскому миру. Идея национального “украинского” сепаратизма захватила только небольшую горсть местной интеллигенции, зависевшей тем или иным образом от Венского и Будапештского правительств. В толщу населения идея сепаратизма не проникла и успехи, которыми так гордились украинские деятели, объясняются экономической подкладкой»³. Д.Н. Вергун полагал, что кадры для украинско-

¹ Вергун Д.Н. Что такое Галиция? Пг., 1915. С. 11.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 13–14.

го движения «составляли главным образом политиканы и сбитые с толку юноши, уверовавшие в возможность, при содействии Австро-Германии, создания «Украины от Карпат до Кавказа»¹. Но галицкий «украинский Пьемонт», по его мнению, противоречил законам физики, согласно которым «в природе меньшее тело не может явиться притягательным центром для большего»; именно поэтому Галиция с четырьмя миллионами малороссов не могла явиться притягательным центром для двадцати шести миллионов малороссов юга России².

По его мнению, «мазепинцы» составляли абсолютное меньшинство малороссийского населения: «Вопрос о численности мазепинцев <...> можно разрешить подсчетом голосов, поданных за мазепинских депутатов Галиции и Буковины в австрийском парламенте и подписчиков десятка мазепинских изданий, выходящих в нашей Малороссии. Во время последних выборов в австрийский парламент в 1911 году число голосов, поданных за мазепинских кандидатов, превысило 350 тысяч человек. Если откинуть при этом еврейские и польские голоса, то получится цифра свыше 300 тысяч. Такое же число было подано за мазепинских кандидатов и на выборах в парламент в 1907 г. Что касается числа подписчиков мазепинских изданий в Малороссии, то по данным главного управления по делам печати на устраиваемых выставках число их едва ли <...> превышает десять тысяч человек. Таким образом общее число мазепинцев в России и Австро-Венгрии можно определить в 310 тысяч человек, что составит не больше одного процента из 30 миллионов малороссов»³.

Основная проблема, по его мнению, состояла в том, «что за их пагубными, можно смело сказать каинскими, стремлениями стоит политика двух великих держав, настойчиво их поддерживающих»⁴, а российские власти ведут борьбу с ними лишь бюрократическими методами, которые малоэффективны. Поэтому, считал Д.Н. Вергун, «борьба с мазепинством должна вестись культурным способом, это должна быть борьба главным образом общественная. Для этой борьбы необходима популяризация тех брошюр и разоблачений, которые прежде всего свидетельствуют о том, что мазепинские вожди подкуплены немецкими организациями Вены и Берлина. <...> Необходимо издание брошюр и научных сочинений, опровергающих фальсификацию истории, систематически ведущуюся Грушевским и его школой. Необходимо обратить внимание на постановку преподавания истории и русского языка в малороссийских духовных и учительских семинариях. Наконец, если в духовных академиях созданы кафедры по обличению раскола, то в Киевском, Харьковском и Новороссийском университетах могли бы быть созданы специальные кафедры по обличению мазепинства»⁵. В 1912 году, проехавшись по малороссийским губерниям, Д.Н. Вергун отмечал, что «мазепинством» «заражены не крестьянские слои населения, а так называемая полуинтеллигенция, главным образом часть народного учительства», а в качестве примера их деятельности приводил наличие громадного портрета Мазепы в черниговском городском музее⁶. Он еще раз делал вывод, что «борьба с мазепинством должна вестись не полицейская, а главным образом общественная, просветительная. На подбор преподавателей русского языка и словесности должно быть обращено главное внимание, ибо почти во всех южно-русских семинариях украиноmania свила прочное

¹ Вергун Д.Н. Что такое Галиция? Пг., 1915. С. 59–60.

² Там же. С. 60.

³ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.

⁴ Там же. Вергун писал, что Германия и Австрия воспитывают «мазепинских янычар в Галиции» (Там же. Л. 2 об).

⁵ РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 4. Л. 3 об.

⁶ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1912 год. СПб., 1913. С. 25–26.

гнездо. В последнее время украинофилы типа писателя Нечуй-Левицкого строго разграничиваются от политических мазепинцев. Но в юности эта грань почти неуловима, и украиноманство, основываясь на галицкие питомники, поливаемые обильно австро-польским золотом, может причинить большой ущерб тем малороссам, которые любят свою областную старину и облик, но, верные традициям Хмельницкого, твердо стоят за культурно-национальное единство всего неделимого русского народа»¹. При этом Д.Н. Вергун считал, что малороссийское наречие, несомненно, имеет право на существование, и сам сочинял стихи на нем. Так, в стихотворении «Тарасу Григорьевичу Шевченку» он писал:

Эх, Тарасе, сердего! Не любо
Ти було на Парнаси всерусским!
Вин Тоби выдавався трохи вузким, –
И Ты взяв – роздильв го сугубо,
Щоб себе на верху посадыты,
Русь Едыну на дви роздильты...

Годи, брате! Аджез, споконвика,
На одним пню двояки галузи
Одынако все родят в союзи!
А розколешь – зистанесь калика,
Гнеть засохнут риснийшии гыли
И на пидпал их зрубят по хвыли...

Так й з намы! Ты сам еще мрияв,
Що славянски потоки зберутся
В одно море вельке зильются,
Але тии, що ты их посияв,
Твою ридну, святу Украину
Потяглы вже в немецку багныну!

И Тарасе, як Ты б подывывся,
Що небоги твои «Тарасята»
То – в немецких цебрах поросята, –
Ты б за голову, певно, схопывся
И прокляв бы лыхую годыну,
Колы вздумав двоить Русь Едыну...²

М.Я. Балясный был сторонником военного решения галицко-русского вопроса и в одном из своих стихотворений почти открыто призывал к освободительному походу:

Галичина! Нам ведомо твое страданье
От гнета польского и польских палачей
И оскорбленное народное сознание,
И боль, и гнев, и скорбь родительских очей...
Россия! Пред Тобой великое призвание, –
Так собирай со всех концов доспехи Ты

¹ Отчет о деятельности Галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1912 год. СПб., 1913. С. 26.

² Вергун Д.Н. Тарасу Григорьевичу Шевченку // Вергун Д.Н. Червонорусские отзвуки. 2-е изд. Львов: Галицко-русская матица, 1907. С. 15–16.

И, мощью оградив родное достоянье,
Скорее воплоти народные мечты!

Скорей, быстрее туда – к той лучезарной дали,
Где вместе у Карпат все соберемся мы
И, встречей братскою все исцелив печали,
Избавим отчий дом от злой, кромешной тьмы...¹

В «Ладо» была помещена статья В.А. Бобринского, посвященная галицко-русскому вопросу. В.А. Бобринский, являясь председателем Галицко-русского благотворительного общества, был одним из основных проповедников единства Галичины с остальной Россией и непримиримым противником украинства, и поэтому вполне закономерно, что его статья была посвящена именно Червонной Руси. Он писал, что «мы не можем не признавать наших русских братьев подъяремной Прикарпатской Руси одной с нами веры и одной с нами народности в полном значении этого слова, без всяких оговорок»². Несмотря на то что часть интеллигенции изменила своей вере, «крупная еще часть интеллигенции и даже униатского духовенства и, что важнее всего, весь простой народ продолжают считать себя православными и бережно хранят до лучших дней свои православные идеалы, заветные славным историческим прошлым древнего Галича»³. Он признавал, что «в Галичине и Буковине существует среди интеллигенции сильное “украинское” движение, отрицающее единство русского народа», но полагал, что «интеллигенция не есть еще народ, мы это в России хорошо знаем. Если бы судьба и характер народа определялись интеллигенцией, то давно пришлось бы прочесть отходную над русским народом, как в Руси Державной, так и в Руси Подъяремной. Слава Богу, крестьянство всей Прикарпатской Руси своим историческим чутьем крепко хранит сознание единства всего стомиллионного русского народа»⁴.

Впрочем, среди второстепенных участников «Ладо» были и другие мнения по этому вопросу. Так, например, Б.В. Астромов-Кириченко, сомневался, «согласятся ли *при теперешних наших политических условиях* малороссы Прикарпатской Руси соединиться с Русью Державной? Мои сомнения на этот счет увеличились после беседы с одним галичанином-руссофилом Г. (сидящим между прочим сейчас в тюрьме за свои симпатии к России). Он мне откровенно сказал: “всячески стремясь и тяготея к культурной России, питаюсь ее наукой и литературой, изучая могучий русский язык, я все же при теперешнем безвластии и бесконтролии вашей бюрократии не хотел бы, чтобы моя родная Галичина перешла под Россию. Нам прежде всего подарили бы земского начальника, а затем наши обработанные поля и нивы стали бы колонизировать великорусским крестьянином, едущим сейчас в Сибирь”. Вот мнение человека, которого нельзя заподозрить в ненависти ко всему русскому»⁵.

Группа Д.Н. Вергуна была наиболее последовательной в борьбе с украинством, выступала за силовое решение галицко-русского вопроса и, по мнению ряда представителей российской дипломатии, Д.Н. Вергун своими статьями в «Новом времени» провоцировал военный конфликт между Россией и Австро-

¹ *Балясный М.Я.* Галичина! Нам ведомо твое страданье... // Торжественное собрание Галицко-Русского Благотворительного Общества 21-го декабря 1910 года (программа). СПб., 1910. Стихотворение напечатано на отдельном вложенном листе.

² *Бобринский В.А.* Пробный камень славянского братства // *Ладо*. С. 138–139.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ *Астромов Б.* Критика и библиография // *Новое звено*. 1914. 25 января. № 6. С. 194.

Венгрией [Кострикова, 2007: 187–188]. Впрочем, в одной из статей он допускал гипотетическую возможность русско-австрийского примирения. По его мнению, «русское дело в Галиции, спокойно развиваясь, могло бы служить великому делу сближения между Россией и Австрией», но он считал такое развитие событий малореальным, так как «русскому делу в Галиции не сочувствует местная польская и украинская политика»¹. Д.Н. Вергун также увязывал галицко-русский вопрос и с внутренней российской политикой: «Австрия боится только пробуждения русского национального сознания в России, и отношение широкого русского общества к судьбам забытой Галицкой Руси служит для нее мерилom в решении вопроса, продолжать ли свои беззакония и дальнейший натиск на Карпатскую Русь или же опомниться и не трогать более граждан русской народности, не давших повода сомневаться в их испытанной лояльности»².

И.И. фон Зек полагал, что в карпато-русском вопросе есть две задачи: «Из них первая касается одоления иноплеменного засилья над русскими в двуединой монархии, прекращение польского и венгерского гнета, вторая заключается в идейной борьбе с украинофильством, иначе мазепинством, с питаемого немецкими деньгами русскою изменою в пределах нашего же отечества»³. Радикально решить вопрос, по его мнению, могла бы война, «имеющая целью присоединение к России всей территории Габсбургской монархии, на которой говорят по-русски. Но войну можно только тогда начинать, когда в успешности ее не приходится сомневаться, когда имеются для нее деньги»⁴. Он признавал, что страна в настоящий момент к войне не готова и воевать надо лишь в том случае, если Австро-Венгрия нападет первой. Поэтому, по мнению И.И. фон Зека, большого поклонника Италии, пока что надо было действовать дипломатическими методами, способствуя русско-итальянскому сближению и совместному давлению на Австро-Венгрию в целях улучшения положения и русского, и итальянского населения, проживающего в ее границах.

Описывая притеснения против русских галичан, осуществляемые австрийскими властями и «мазепинцами», П.В. Васильев полагал, что никто «не в силах заставить галицких русских вырвать из своего сознания связь с великим русским народом, любовь к закордонным братьям»⁵. Он с тревогой отмечал, что «там, в Галиции <...> растет и зреет “украинство” – национальное обособление от русского народа одной из трех великих его ветвей. Оттуда, из Прикарпатья, ввозится к нам пропаганда новой “украинской” Албании, с притязаниями на большую южную часть Российской Империи. Все это имеет целью расколоть, раздробить могучий русский народ и таким путем его обессилить, лишит большой дозы сопротивляемости»⁶. «Тяжелый гнет, бесправие и страдание сковывали соплеменников в один тесный союз, в один национальный организм, внутри которого накапливались силы для отпора, – продолжал он. – В частности, мы, русские, служим тому примером. Двухвековое татарское иго не сгубило России, оно послужило нам национальной спайкой, заставило объединиться в борьбе с общим врагом и победить его. Наши зарубежные братья, находясь шесть столетий под польским игом, страдают более нас и отчасти по нашей вине. Но они не потеряли своей стойкости. Несмотря на весь ужас положения, на все стра-

¹ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 283. Л. 63.

² Там же. Л. 6.

³ *Galantuoto [Зек И.И., фон]. Русская помощь зарубежным братьям // Правда (Псков). 1912. 1 августа. № 27. Ст. 9.*

⁴ Там же. Ст. 10.

⁵ *Новгородский А. [Васильев П.В.] Стоны подъяремной Руси // Правда (Псков). 1912. 26 сентября. № 35. Ст. 14.*

⁶ *Новгородский А. [Васильев П.В.] Слышишь ли, батько? // Славянин. 1913. 24 марта. № 12. С. 3.*

дания и беды, не замечаемые и не слышимые “просвещенной” Европой, русские галичане не утратили надежды и ждут избавления от своих врагов. Взоры их естественно обращены в сторону России. Вместе со стонами притесняемых братьев, к нам из Галиции доносятся и слова призыва, слова веры в любовь и сострадание родственного сердца, подобно крику казнимого Остапа Бульбы: “Слышишь ли, батько?” Ответом на них может быть только единственно бодрящее: “Слышу!”»¹.

Интересовало русских национал-демократов и украинское движение Галичины. В одной из статей И.И. фон Зек писал, что «в ответ на популярный лозунг возвращенных Австрией “украинцев”: “Украина без хлопа и пана”, раздастся клич: “Русь без барина и мужика”...»². В данном случае очевидно, что если русских галичан национал-демократы рассматривали как часть единого русского народа, то украинское движение было им интересно с точки зрения определенных социальных практик и способов влияния национальной идеи на различные слои населения; при этом, конечно, в «украинцах» они видели в первую очередь своих врагов.

П.В. Васильева особенно беспокоили вопросы, связанные с народным образованием. Побывав на первом съезде по народному образованию в декабре 1913 года, он писал: «Но кто поразил своей неожиданностью выступлений, так это учителя малороссы, переименовавшие себя в “украинцев”. С их стороны шли особенно ярые атаки на русский язык, на русскую государственность и культуру. Они громче всех кричали, что они “не русские”, ожесточеннее топтали ногами, пронзительнее свистели всем выступавшим в защиту общеимперского единства. Порой казалось, что съезд происходит не в Петербурге, а в Вене и руководит им пан профессор Грушевский и депутат австрийского рейхсрата известный Василько. Откуда сие, какой ветер наваял в хохлацкие головы такие сепаратистские мысли, вопрос, в котором следует разобраться. Быть может здесь также, главным образом, виновны мы сами, виновна неумелая постановка русского школьного дела в Малороссии, вызывавшая такую реакцию, вылившуюся в торжестве лозунга “хоть гирше, да инше”, поведшее к отказу от своей русской национальности, к разрыву со своими кровнородственными племенами великоруссами и белоруссами, а быть может и просто проявление “свободомыслия” и своеобразного либерализма. Исторических предпосылок на это нет. Мы знаем, что вся славянская Великая, Малая, Белая и Червоная Русь составляла ряд племен, но знаем также, что она никогда, даже в печальные времена удельных междоусобиц, не переставала чувствовать себя единой. Когда в 1279 году Мстислав Удалой поклонился на новгородском вече Святой Софии, гробу отца своего и новгородцам и заявил им о своем намерении идти “поискать Галич от мадьяр”, то ни у кого из великороссов не возникло вопроса о том, что червоноруссы чужие, что они их чужаются. Когда малорусский Киев, признанный за “мать городов русских”, был великокняжеским столом, то великоруссы не отказывались от своего родства с киевлянами. Татарское иго еще сильнее спаяло племенное единство Руси. И начатое затем Москвою государственное собрание русских племен и уделов было естественным ходом русской истории. Сами малороссы всегда, от самого митрополита Иова Борецкого, признавали, что московское царство выполняло и их национальные задачи, освобождая Украину от ига татарско-турецкого и от подданства польского. Если и были затем, в новой истории России какие притеснения малороссам со сторо-

¹ Новгородский А. [Васильев П.В.]. Стоны подъяремной Руси // Правда (Псков). 1912. 26 сентября. № 35. Ст. 15.

² Сухов И. [Зек И.И., фон] Кризис умеренных партий и способ его разрешения // Новая Россия. С. 41–42.

ны власти, то таковые же в не меньшей доле испытывали и великороссы. Так что они не могут быть поводом к национальному обособлению»¹. Он считал, что «не может быть причиной резкого столкновения и государственный литературный язык, именуемый великорусским, он в действительности является общеимперским», а в своем «теперешнем виде он отличается не только от малорусского разговорного языка, но и от великорусских народных говоров и от языка великорусского исторического», и поэтому «он и самый богатый язык и необходим в качестве фундамента государственного единства»².

Представители Имперской народной партии осуждали проукраинские настроения либералов и представителей только начавшего формироваться национально-прогрессивного лагеря. Так, в Петербурге вокруг журнала «Новое звено» и его издателя, кадета А.Н. Брянчанинова, сложилась группа, именовавшая себя национал-либеральной. В своем печатном органе они писали: «Если бы великорусской государственности удалось ассимилировать мало- и белорусов, то такой чудовищный по объему национальный организм раздавил бы, без сомнения, уже в силу одной своей огромной инерции все славянские микрокосмы». Национал-демократы из «Дыма Отечества» отвечали на это: «И вот “Новое Звено”, боясь такого доминирующего влияния России (хороши националисты и патриоты), предлагают ни более, ни менее, как расчлнить великий русский народ на три части и создать особый украинский народ, который, по мнению националистов из “Звена”, естественно связан с поляками, соединившими “аристократическую природу своей исторической личности с началом демократическим остальную славянства”. Исходя из этого, группа А.Н. Брянчанинова приветствует польско-украинское соглашение, несмотря на его несправедливость по отношению к зарубежным русским. Дальше этого идти в своем “национал-либерализме” “Нов[ому] Звену”, кажется, некуда»³. Когда лидер кадетов П.Н. Милюков запретил В.А. Маклакову выступить на собрании Галицко-русского общества, «Дым Отечества» иронизировал, что «кадетская дисциплина строга, ой как строга», и поэтому «запрещено выступать в защиту галицких русских»⁴. Депутат Государственной думы и национал-демократ А.П. Савватеев полагал, что «остро поставленный на кадетской конференции вопрос об отношении к поступку члена к.-д. фракции Лашкевича, осмелившегося, “в нарушение партийной дисциплины”, проявить свои симпатии к зарубежным братьям-русским в Галиции, дал новый толчок к скорейшему сформированию национал-демократической партии»⁵.

В то же время П.В. Васильев высоко оценил позицию либералов П.Б. Струве и А.Л. Погодина, назвав их идеологами национально-государственного течения в русской прогрессивной общественности. В частности, про А.Л. Погодина П.В. Васильев писал следующее: «Смелое выступление профессора-публициста против “украинского” сепаратизма, поддерживать который считается хорошим тоном у кадет, и последовательное настойчивое проведение им в периодической печати мысли о необходимости преследования в политике реальных задач, не сходя с русской национально-государственной почвы, всё это говорит за то, что в мировоззрении Народной партии он найдёт отражение и его идей»⁶. Национал-демократы полагали, что начавшиеся в либеральном лагере

¹ Волховской Н. [Васильев П.В.] В тумане общих фраз // Дым Отечества. 1914. 3 января. № 1 (59). С. 5.

² Там же.

³ Обзор печати // Дым Отечества. 1914. 6 февраля. № 6 (64). С. 11.

⁴ Вести отовсюду // Дым Отечества. 1914. 20 марта. № 12 (70). С. 10.

⁵ Савватеев А.П. «Народная партия» // Дым Отечества. 1914. 8 мая. № 19 (77). С. 4.

⁶ Вееров Н.Е. [Васильев П.В.]. В защиту государственности: Ответ проф. А.Л. Погдину // Дым Отечества. 1914. 26 июня. № 26 (84). С. 7.

изменения позиции в украинском вопросе – с проукраинский на общерусскую – будут первым шагом при их переходе от космополитизма к русскому прогрессивному национализму.

Национал-демократы отмечали, что Австрия планомерно преследует православных русских, что она «бросила вызов русскому общественному мнению, на который так или иначе должно реагировать»¹. Члены Имперской народной партии отозвались «на такое событие, как оправдание русских галичан, обвиняемых австрийскими властями в государственной измене, посылкою во Львов приветственной телеграммы»². Также на страницах «Дыма Отечества» был поднят вопрос о перенесении останков первопечатника Ивана Федорова из Львова в Россию: «прах Ивана Федорова *должен* быть перевезен на родину и упокоиться в Москве там, где впервые, в 1565 году, был напечатан “Апостол”. Если правительство, в лице Св. Синода, не находит средств на перенесение праха первого “друкаря”, если даже гостеприимство гетмана Хоткевича, давшего приют Ивану Федорову, не служит ему примером, то, очевидно, русскому обществу приходится самостоятельно проявить свою инициативу»³. Лидер партии М.А. Караулов ходил на прием к министру внутренних дел Н.А. Маклакову для того, чтобы узнать, в какое ведомство стоит обращаться для решения вопроса о перенесении останков Федорова⁴. Министр посоветовал обратиться с письмом к председателю Совета министров, но дальнейшего развития эта инициатива так и не получила.

В то же время члены Имперской народной партии полагали, что Всероссийский национальный союз проявляет излишнее рвение в борьбе с любыми элементами малороссийской самобытности, требуя запрета различных украинских мероприятий. В начале марта 1914 года к национал-демократам присоединился депутат Думы от Киевской губернии, член фракции русских националистов крестьянин П.Ф. Мерший. Причиной его ухода от националистов стал инцидент в связи с обсуждением вопроса о запрете празднования юбилея Т.Г. Шевченко. Совещание фракции националистов запретило ему говорить по этому вопросу, и он решил высказаться лично. Он рассказал, как простое украинское крестьянство любит Шевченко: «Кто был на могиле Шевченко, тот видел, как крестьяне массами идут на могилу, чтобы поклониться праху любимого поэта, тот видел, как эти посетители на могиле с обнаженными головами поют и читают произведения Шевченко»⁵. «Уже около 50 лет украинский народ празднует ежегодно роковины Шевченко, – продолжил он, – <...> и лишь в этом году почему-то не позволяют чествовать память Шевченко, не позволяют молиться о рабе Божиим Тарасе. Понятно, хочется спросить: почему это? Что за причина? Неужели потому, что Шевченко был крестьянский поэт, вышел из крестьян, что он, как называют его в бюрократических сферах, мужицкий поэт? <...> гг., никакими циркулярами никакая человеческая сила не может запретить народу любить того, кого он обожает»⁶.

¹ Гонения на русских в Австрии // Дым Отечества. 1914. 27 февраля. № 9 (67). С. 5–6.

² Деятельность Народной партии в Государственной Думе // Дым Отечества. 1914. 19 июня. № 25 (83). С. 4.

³ Первый русский первопечатник (Письмо в редакцию) // Дым Отечества. 1914. 24 апреля. № 17 (75). С. 7.

⁴ Депутат Караулов у Н.А. Маклакова // Пятигорское эхо. 1914. 24 апреля. № 90. С. 2.

⁵ Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. II. Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.). СПб., 1914. Ст. 1195.

⁶ Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. II. Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.). СПб., 1914. Ст. 1195–1196.

«Дым Отечества» отмечал, что «запрещение мирного чествования памяти писателя вызвало то, что оппозиционные группы интеллигенции ухватились за имя гонимого Тараса и нацепили на него политический, сепаратистический флаг. Таковы плоды всякой нерасчетливой политики запрещений»¹.

Таким образом, национал-демократы из Имперской народной партии занимали промежуточное положение в данном вопросе (в отличие от более радикальной позиции группы Д.Н. Вергуна), выступая категорически против сепаратизма при признании некоторых элементов украинской культуры и за поддержку русских галичан, но не требуя непременно военного решения проблемы.

Сегодня это может показаться парадоксальным, но более консервативный по взглядам Т.В. Локоть относился к украинству намного лояльнее, чем либерально настроенные национал-демократы.

Профессор Локоть «подчеркивал существенную разницу между национализмом государственным и национализмом «племенным, антропологическим»», который «он подразделял на национализм этнографический и сепаратистский, считая, что если к первому надо относиться терпимо, то ко второму – со всей суровостью» [Иванов, 2008: 76]. Он полагал, что «именно русская народность, это национальное ядро русского государства, понесло на создание государства, в целом ряде поколений, наибольшую сумму жертв, лишений, труда и крови; что именно она обладает наибольшей суммой исторических традиций, делающей ее наиболее государственной национальностью в России; что именно ей – по исторической справедливости и по политическому праву – должно принадлежать политическое верховенство в государстве; что именно она должна составлять то ядро в государстве, к которому, путем постепенной политической, государственной ассимиляции, должны прилепляться другие народности – в стремлении, в конечном итоге этого политического процесса, образовать ту единую, великую русскую нацию, которая явилась бы нацией уже не в этнографическом смысле, а представляла бы «историческое образование» в смысле Ренана»². В своей концепции Т.В. Локоть рассматривал великороссов, малороссов и белорусов как этнографические группы, которые составляют исторически русскую народность, но объединение их в единую русскую политическую (государственную) нацию в современном значении этого термина, по его мнению, было делом будущего. Именно такому объединению должен был способствовать государственный национализм.

Т.В. Локоть считал, что существует реальная почва для малорусского этнографического национализма: «20-миллионное малорусское племя все же говорит своим особым наречием, достаточно отличным от литературного русского языка. Как этнографический тип, малороссы все же представляют вполне определенные отличия от великорусской и белорусской ветви русского народа. Нравы, обычаи, песни, вообще вся совокупность народного творчества в малорусской ветви все же носит свой особый отпечаток, стирать и уничтожать который искусственными, а тем более насильственными мерами, было бы во всяком случае бесполезно, а с точки зрения оригинальности и продуктивности творчества – даже вредно»³.

В феврале 1910 года он написал записку председателю Совета министров П.А. Столыпину под названием «Государственный национализм и «украинские» организации»⁴, в которой описывал существующие проблемы в украинском во-

¹ Обзор печати // Дым Отечества. 1914. 27 февраля. № 9 (67). С. 12.

² Локоть Т.В. Нация и национальность // Киевлянин. 1912. 1 мая. № 120. С. 2.

³ Локоть Т.В. Как быть с «украинством»? // Голос Москвы. 1911. 2 декабря. № 277. С. 2.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 18–43 об.

просе и предлагал свои методы их решения. Он писал: «Национальное движение, по внутренней природе своей, всегда опирается на имущие, буржуазные элементы страны – на хозяйственное крестьянство, на землевладельческий, торговый и промышленный классы господствующего коренного населения. Чем сплоченнее коренное население, тем надежнее практический успех национального движения. Всякое разъединение в массах коренного населения является поэтому, с государственной точки зрения, нежелательным, тормозящим развитие государственного национализма. Нельзя отрицать, что коренное население России представляется, главным образом, двумя народностями русского племени – великорусской и малорусской; всякое обострение национальных отношений между этими народностями будет только во вред государственной задаче национализма. Поэтому являются нежелательными как сепаратистические течения в среде малорусской народности, так и всякие меры, которые могут усилить эти течения. Необходимо найти тот средний путь, на котором обе основные народности коренного населения России могли бы дружно объединиться в стремлении к одной общей цели – к росту и упрочению идеи государственного национализма, т.е. идеи создания той нации, национальное самосознание которой являлось бы надежнейшим оплотом единой, твердой государственной власти, оберегающей жизненные интересы коренного населения и создающей наиболее благоприятные условия для развития производительных сил этого населения»¹.

В отличие от других русских националистов, Т.В. Локоть полагал, что «весьма ценной, положительной чертой украинофильствующей малорусской интеллигенции является ее национализм, т.е. горячее национальное чувство и сознание. Если это чувство и сознание может быть направлено в государственное русло, это – сила положительная, желательная с общерусской государственной точки зрения. Недаром, в 60-х годах, когда Кулиш стал издавать в Петербурге “Основу” – орган украинофильства, против него, прежде всего, ополчилось буржуазное еврейство, которое первым взяло на себя миссию открывать глаза русской государственной власти на “украинский сепаратизм”. А почему? Да только потому, что украинские националисты неминуемо сразу же заявили себя “антисемитами”: для малорусского края еврейство – экономический бич, не сознавать значение которого малорусские националисты не могли. А теперь? И теперь “украинцы”, в сущности, столь же решительные противники экономического и культурного господства евреев в Малороссии, как и местные русские националисты»². Поэтому, полагал он, «нужно сделать все возможное для того, чтобы направить рост национализма в среде малорусской народности в сторону сознания коренной противоположности национальных интересов малорусской народности с таковыми же интересами еврейства»³.

Т.В. Локоть считал, что осознание великороссами и малороссами (украинцами) своих общих экономических интересов и совместная борьба с еврейством будут способствовать объединению их в единую политическую русскую нацию. Но для достижения цели также «необходимо не только не вызывать невольного, чисто племенного чувства недовольства в случае внешних стеснений в проявлениях этнографического национализма, но даже воспользоваться этими проявлениями, как почвой для роста здорового сознания государственного национализма и противоположности национальных интересов малорусской народности интересам еврейства»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 19–22.

² *Локоть Т.В.* Как быть с «украинством»? // *Голос Москвы.* 1911. 2 декабря. № 277. С. 2.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 28.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 28–29.

Он признавал, что в украинских «просвитах» есть элементы, хотя и слабые, сепаратизма, космополитизма и социализма: «Организации эти почти исключительно интеллигентские, а не народные, не буржуазные. Политического значения эти организации не имеют и иметь не могут, ввиду слабости в них буржуазных и народных элементов и ввиду полного нерасположения народных масс к какому бы то ни было сепаратизму. Но поскольку эти организации носят этнографически-национальный характер, постольку широкие народные массы малорусской народности будут относиться сочувственно к протестам против закрытия этих организаций. Закрытие их будет поддерживать дух оппозиционности и будет являться благодарным орудием подогревания этого духа со стороны оппозиционных, главным образом еврейских буржуазно-космополитических течений. Этот отрицательный результат с государственной точки зрения будет гораздо существеннее того положительного результата, какой можно было бы усматривать в прекращении деятельности открытых организаций, допускающих некоторый дух оппозиционности на почве племенного национализма. Прекращение это, однако, будет весьма условным, так как активные оппозиционные элементы из этих организаций перейдут лишь в другие, менее открытые, а то и совсем нелегальные, главным образом – в социал-демократические. Такой результат едва ли может быть признан практически целесообразным»¹.

Он полагал, что «в нынешних “украинских” организациях есть все же элементы явно буржуазные, явно склонные к идее государственного национализма; таковы – представители мелкого и среднего землевладения, торговли и промышленности, изредка примыкающие к “украинству”, особенно же – представители служилой интеллигенции, мелкого и среднего чиновничества, чувствующие крепкую связь с государственной властью и естественно расположенные к идее государственного национализма. Эти элементы в “украинстве” представляют вполне надежное ядро для дальнейшего роста чисто буржуазного течения в национальном движении малорусского района, а это течение является в высшей степени благоприятным и желательным с точки зрения государственного национализма. Рост этого течения уже сам собою будет парализовать и без того в сущности слабые оппозиционно-космополитические, а тем более сепаратистские элементы в “украинстве”. Путь поддержки и укрепления буржуазных элементов в национальном движении малорусской народности является органическим, наиболее надежным путем к росту идеи государственного национализма в этой народности, т.е. идеи государственного единства и самой тесной солидарности с великорусской народностью, как это и было на всем протяжении русской истории»².

Поэтому Т.В. Локоть советовал, не преследовать украинские организации, а постепенно менять их характер. Например, заставить украинские организации, изменив их уставы, проводить свои собрания и устраивать концерты и театральные представления на двух языках – украинском и русском. Для того чтобы усилить «объединение тех средних и крупных буржуазных элементов южно-русского района, которые уже фактически проникнуты идеей государственного национализма, но в которых все же теплится чувство этнографического национализма – в смысле племенной любви к родному народу, краю, его старине, обычаям и т.п.», он предлагал создать Южнорусский национальный клуб с преобладанием в нем русского литературного языка и допущением местного малорусского; такой клуб, по его мнению, должен был перетянуть к себе буржуазные элементы из украинских организаций³.

¹ Там же. Л. 29–32.

² Там же. Л. 32–34.

³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 36–38.

Репрессии, по его мнению, могли привести к обратным результатам: «Вполне понятно, что если малорусскую украинофильскую интеллигенцию начнут приравнять к “инородцам”, то она, при науськивании “левой”, т.е. еврействующей печати, тем охотнее будет клониться в сторону политической оппозиции, может быть, даже вплоть до австрофильского “мазепинства”. Наоборот, отнеситесь терпимо к проявлениям этнографического национализма, направьте усилия только на развитие чувства и сознания государственного единства, – и малорусские националисты станут союзниками общерусских националистов на почве единой государственности!»¹

Отсюда он делал вывод, что необходимо пойти на некоторые уступки и дать «свободу “украинской” печати, которая сама собою умрет, если не будет отвечать интересам и вкусам широких слоев малорусского населения; свободу “просвита”, если они не будут заниматься пропагандой радикальных политических и социальных утопий, и даже свободу, лучше сказать – удовольствие – иметь приват-доцентуры в местных университетах на “украинском” наречии по кафедре малорусской филологии. Эта свобода не так страшна с общегосударственной точки зрения, потому что нормальная малорусская интеллигенция весьма скоро поймет жизненную малополезность подобных претензий этнографического национализма к требованиям и учреждениям общегосударственного характера»².

При таких условиях «буржуазный украинский национализм будет несомненно явлением глубоко положительным, только желательным с государственной точки зрения, с точки зрения государственного национализма, т.е. того чисто государственного, а не племенного, направления политической мысли, которое желает создать государственную *нацию*, а не великорусскую, малорусскую или какую бы то ни было другую *национальность*. Такая нация, конечно, будет просто *русской*. Составляющие ее национальности будут прежде всего коренные в русском государстве национальности – великорусская, малорусская и белорусская, как ветви общего русского племени, веками создававшего Русское Государство. Другие национальности, пришедшие в русское государство много позже, не связанные с ним так кровно, как основные ветви русского племени, могут оставаться нормальными, желательными частями государственного организма только при условии подчинения идее государственного единства. Русское государство, опирающееся на сплоченную идею государственного единства, государственного национализма, коренную массу русского народа, не может и не должно бояться того, что великороссы при этом останутся великороссами, малороссы – малороссами, белоруссы – белоруссами. Ведь такими они остаются по *природе* своей, по своему антропологическому типу, по условиям места, истории и культуры»³.

Т.В. Локоть полагал, что опасности в украинском движении для единства государства нет. Он обращался к активистам украинского движения: «Если вы уверены, что “украинство” – такая сила, с которой власть вынуждена считаться, тогда сам собою возникает действительный, реальный политический спор двух сил. Но тогда – подсчитайте, покажите эти силы “украинства”: сколько богатых, сильных украинцев землевладельцев, склонных к политической самостоятельности родной национальности; сколько таких же промышленников, купцов, духовенства, интеллигенции и, наконец, притом – самое главное – сколько крестьян и рабочих малороссов, которые захотели бы поддерживать политиче-

¹ Локоть Т.В. Как быть с «украинством»? // Голос Москвы. 1911. 2 декабря. № 277. С. 2.

² Там же.

³ Локоть Т.В. Украинский вопрос // Киев. 1910. 20 февраля. № 7. С. 3.

ский сепаратизм на национальной почве. Подсчитайте силы и говорите: вот на основании таких-то и таких-то *реальных* сил мы *требуем* у центральной власти русского государства таких-то и таких уступок в смысле *политической* автономности Малороссии!»¹ По его мнению, таких сил не было, так как сепаратисты представляли собой лишь небольшую и слабую кучку интеллигентов, оторванную от народа: «Необходимым условием серьезного сепаратизма должна быть наличность сильных экономически и культурно слоев в данной народности, способных к политическому отделению от государства, способных создать свою самостоятельную государственность. А если сепаратизм живет только в умах неимущей, к тому же – космополитической по духу и ничтожной по количеству, интеллигенции, то затевать политическую борьбу с таким сепаратизмом – не только не практично, бесцельно, но и опасно в интересах государственности: ведь такая “борьба” только попросту раздражает, дразнит эту интеллигенцию, а через нее – отчасти – и народные массы той же народности, всегда сочувственно откликающиеся на “гонения”, задевающие племенное чувство»².

«Русской национальной политике, в целях роста *государственного национализма*, выгоднее, практичнее отбросить чисто интеллигентские страхи перед призраками “украинского” сепаратизма, проникнуться верой в здравый смысл народных малорусских масс и имущих интеллигентных слоев малорусского населения, *органически* не могущих симпатизировать сепаратизму, – и внешнюю репрессивность в “украинском” вопросе заменить более спокойной, но твердо стоящей на принципе единой русской государственности, национальной терпимостью»³, – подводил итог своим размышлениям Т.В. Локоть.

Впрочем, у властей подобные предложения профессора поддержки не получили. Столыпин написал карандашом на справке о записке Т.В. Локотя: «Я не разделяю этого мнения»⁴.

На собрании Киевского клуба русских националистов 24 ноября 1911 года Т.В. Локоть еще раз повторил свои тезисы и высказал свою точку зрения по вопросу о «мазепинцах». Он не согласился с основным докладчиком Ю.А. Яворским «что с мазепинским движением не следует бороться репрессивными мерами. Благодушию здесь не должно быть места, и с общественными явлениями сепаратистского характера мы должны бороться всеми мерами, в том числе и мерами репрессивными, полицейскими. Но надо различать этнографический национализм от национализма сепаратистского. К первому надо относиться терпимо и со всею суровостью – ко второму, если только оно вообще существует, что однако оратор считает недоказанным. Мазепинское движение только тогда могло бы представить известную опасность, если бы к движению этому примкнул сам народ. Если осуществить этого не удалось во времена Мазепы, то теперь это совершенно невозможно. Никто, конечно, не станет отрицать ни существования двадцатимиллионного малорусского народа, ни малорусского наречия. Но опасности в украинофильстве нет никакой, это национализм романтический, этнографический. Ассимиляция малороссов с великороссами идет неудержимо и непрерывно. В заключение проф. Т.В. Локоть указал на то, что мы не можем за Австрией отрицать права распоряжаться по своему усмотрению зарубежными русскими, которые волею судеб попали под ее власть»⁵.

¹ Локоть Т.В. Политические наивности в украинском вопросе («Рада» и «Киевлянин») // Киев. 1910. 20 марта. № 11. С. 2.

² Локоть Т.В. Австрийская и русская политика в «украинском» вопросе // Киев. 1910. 15 мая. № 16. С. 4.

³ Там же. С. 5.

⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 43.

⁵ Сборник Клуба русских националистов. Киев, 1913. Вып. 4 и 5. С. 136–137.

Высказывания Т.В. Локотя вызвали оживленные возражения. А.В. Стороженко указал, «что поздно говорить об украинском романтизме, который безвозвратно исчез и вместо него выступило мазепинство». Ю.А. Яворский «выразил удивление, что русский видный общественный деятель и публицист не замечает усиления мазепинского движения и его несомненной связи с еврейством. В заключение оратор изумился легкомыслию и жестокости проф. Локотя, отдающего галицко-русский народ на произвол польско-австрийского правительства». А.И. Савенко «доказывал, что проф. Локоть заблуждается, говоря о «невинном этнографическом увлечении» украинцев. Ведь они проповедают «самостийность» Малороссии и уже это одно опасно для России»¹.

На следующий день после собрания Т.В. Локоть писал октябристу Ф.И. Гучкову о том, что вопрос о «мазепинстве» «уже клонится чуть не в сторону крупного международно-политического значения, так как часть наших националистов и часть галицких так называемых «москвофилов» готовы призывать Россию к войне с Австрией из-за развивающегося в Галиции, под покровительством австрийского правительства «мазепинства», т.е. противорусского течения среди галицких малороссов. На мой взгляд, такой оборот вопроса бесконечно ответственная и рискованная форма проявления русского национализма. Вчера, в заседании клуба националистов я имел по этому вопросу жаркую схватку, особенно с Савенко, уже кивающим в сторону «славной русской армии». Мои возражения отчасти даже нарочно были окрашены оппонентами в смысле моего потворства «мазепинству». Но часть собрания была на моей стороне»².

Видимо, Ф.И. Гучков высказал возражения, и Т.В. Локоть писал в следующем письме: «Но в чем Вы со мной не согласны? Ведь я не утверждаю, что в украинстве нет искусственности. Даже более того, я вполне допускаю косвенное участие в этом искусственно-интеллигентском течении влияний отчасти польских и особенно австрийских. И именно в австрийском влиянии я вижу особенно серьезный момент: сила государства и государственности – это уже не сила идей и идеалов, ничтожная в политике, пока она не опирается на силу реальную. Да, Австрия является той реальной силой, которая, взращивая у себя австрофильское украинство («мазепинство»), заражает и жалкую, идеальничающую малорусскую интеллигенцию мечтами о «самостийности Украины» и т.п. вздором. Но ведь все это факт, а не просто идеалистическая пенка, начинающаяся и кончающаяся в умах малорусской интеллигенции. Факт тот, что Австрия поддерживает и всегда будет поддерживать такое направление «украинства», потому что для австрийской государственности оно выгодно, выгодно пользоваться национальной почвой для привлечения себе сторонников. Рост идейного мазепинства в малорусской интеллигенции поэтому возможен, особенно с помощью «друзей» русской государственности – евреев, кадетов, радикалов, социалистов. Что же делать? Как быть дальше? Кричать: «бороться с мазепинством без церемоний». Да как же именно? Запретить все «украинское»? К чему это приведет и где принципиально-политическое и законное основание для такого запрещения?.. Получается, как видите, мертвая точка. Или махнуть рукой на радикалов малорусских, как и великорусских, считать их безнадежными и объявить их вне закона? Бороться с ними только репрессиями как с элементом явно антигосударственным, хотя и не перешедшим еще на путь политического действия, то есть на путь политической революции в той или другой форме? Но русские радикалы – не националисты, а малорусские радикалы – националисты. Если отбросить от них социал-демократов и эсеров, то останутся буржуазно-радикальные националисты, в душе – ярые антисемиты, то есть элементы более буржуазные, чем радикальные. В этом именно

¹ Там же. С. 137.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 514. Л. 38.

смысле я и считаю положительным национализм “украинцев”. Но пока им хочется быть непременно “украинцами”, не следует, по мне, дразнить их репрессиями... Не прав ли я?»¹.

Т.В. Локоть считал, что Россия должна брать пример с Австрии и пытаться перетянуть украинские элементы на свою сторону: «Терпимая по отношению к этнографическому национализму политика государственной власти будет наиболее целесообразным ответом и на австрийскую политику по отношению к галицким украинцам. Если галицким украинцам под влиянием даже искусственных мер австрийского правительства стала особенно дорога свобода их этнографического национализма, то пусть знают они, что и русская государственная власть не отрицает за этнографическим национализмом права на свободу проявления, при условии признания требований и интересов единой русской государственности»². При этом он осуждал репрессии против русского движения в Австро-Венгрии и действия местных «мазепинцев»: «Конечно, русины – не великороссы <...>, но они бесспорно составляют южную ветвь русского племени, и политика разъединения русских народностей, в применении к галицким русинам, едва ли будет иметь большой успех»³. Т.В. Локоть добавлял, что «нельзя не желать, чтобы миллионы галичан-малороссов тяготели к России, проникались бы идеей своего национального единства с малороссами, населяющими Россию, и чтобы вся сплоченная масса галицко-русских малороссов понимала и всей душой чувствовала бы свое кровное, а также и политическое единство с великороссами, т.е. понимала и чувствовала бы необходимость создания единого, сильного Русского Государства»⁴. Он полагал, что создание «галицко-русских обществ» бессмысленно с практической точки зрения и является следствием политической наивности, и в целом считал политику Австрии естественной и закономерной, так как она стремилась бороться с местными сепаратистами точно так же, как Россия борется со своими.

Впрочем, Т.В. Локоть в крайнем случае допускал и войну против Австрии, но считал ее крайне опасной и полагал, что такого развития событий стоит избегать: «Если это будет уже действительно необходимо и возможно, славная русская армия сумеет сделать русское государственное дело. Но люди, стоящие действительно на государственной точке зрения, не могут и не должны так легко и так смело накликать тяжелые испытания на русскую армию и на русское государство, недавно вынесшие их более, чем достаточно! Как бы политика крайнего, горячего национального романтизма не оказалась на руку только врагам России, врагам русского национально-государственного дела!..»⁵.

Определенное влияние малорусские деятели оказали и на его концепцию национал-демократии. Профессор писал, что во второй половине XIX века «возникают прогрессивно-демократические движения, прежде всего – движение украинское, малорусское: Шевченко, Кулиш, Костомаров и – особенно определено – Драгоманов. Никто не осмелится назвать этих ярких националистов не

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 515. Л. 39. Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 207–208.

² Локоть Т.В. Как быть с «украинством»? // Голос Москвы. 1911. 2 декабря. № 277. С. 2.

³ О политических вопросах в Галиции // Киев. 1910. 19 января. № 2. С. 13.

⁴ Локоть Т.В. Политические наивности в украинском вопросе («Рада» и «Киевлянин») // Киев. 1910. 20 марта. № 11. С. 2.

⁵ Локоть Т.В. Как быть с «украинством»? // Голос Москвы. 1911. 2 декабря. № 277. С. 2.

демократичными, не прогрессивными. И тем не менее в общественном мировоззрении этих представителей национального малорусского самосознания, особенно у Драгоманова, вполне определенно выступает та мысль, что вне национального самосознания истинный демократизм невозможен, немислим»¹. Т.В. Локоть рассматривал этих деятелей в контексте русской истории и считал их провозвестниками малорусской, а значит и русской, национал-демократии. Он полагал, что надо не отдавать эти символы в руки сепаратистов, а использовать их на благо общерусского движения.

Т.В. Локоть четко осознавал двусмысленность своего положения: «“Украинцы” честят меня как самого злейшего черносотенца, а “русские националисты” готовы считать меня скрытым “украинцем”»². Несомненно, в концепции Т.В. Локотя, происходившего из семьи малороссийского казака Черниговской губернии, можно усмотреть влияние идей историка Н.И. Костомарова и других умеренных «украинофилов» о «двух русских народностях», великорусской и малорусской (украинской). Впрочем, признавая разницу между ними в плане этнографическом, он полагал, что в будущем они, оставаясь собой в культурном плане и сохраняя некоторые самобытные черты, составят единую русскую политическую нацию.

Таким образом, среди всех русских национал-демократов Т.В. Локоть занимал наиболее терпимую позицию к украинскому движению и считал ошибочными и опасными любые попытки военного решения галицко-русского вопроса.

Подводя итог, можно сказать, что практически все национал-демократы были настроены резко антиавстрийски, и именно отсюда проистекало их отношение к украинскому вопросу. Т.В. Локоть же не разделял этих настроений, считая их опасными и потенциально ведущими к серьезным потрясениям. Большинство национал-демократов рассматривали украинских сепаратистов как австро-польско-немецкую агентуру, а Т.В. Локоть считал, что в основе украинского движения лежат не только внешние факторы, но и внутренние. Разумеется, у этих взглядов были разные предпосылки – либерально настроенные национал-демократы были готовы к войне с Австрией и поэтому исходили из того, что с украинством надо бороться более решительно. Т.В. Локоть, принадлежавший к консервативному лагерю (пусть и не разделяя всех его установок), надеялся, что в ближайшие годы серьезных международных конфликтов не будет, и поэтому считал, что украинство не представляет серьезной опасности, а, наоборот, может быть использовано на благо русскому делу.

Впрочем, все национал-демократы считали вредными репрессии против умеренных деятелей украинского движения и старались включить используемые последними исторические символы (запорожское казачество, Т.Г. Шевченко и т.п.) в общерусский пантеон, не отдавая их на откуп «мазепинцам». Все они одинаково отрицательно относились к сепаратистам и поддерживали жесткие меры по борьбе с ними, но при этом одинаково положительно воспринимали этнографические особенности Малороссии.

Основная разница была в отношении к тем представителям украинства, которые открыто не призывали к сепаратизму. Более либерально настроенные национал-демократы считали это явление тоже вредным и призывали бороться с ним, пусть и без репрессий. Т.В. Локоть же видел в нем и пользу, считая, что украинское движение имеет под собой реальную этнокультурную

¹ Локоть Т.В. Демократизм и национализм // Локоть Т.В. Оправдание национализма. С. 12.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 515. Л. 39. Цит. по: Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 208.

основу и, если нельзя его победить, то его надо возглавить, инкорпорировав в общерусское национальное движение, при этом пойдя с ним на некоторые компромиссы.

Сложно сказать, кто из них был прав, а кто ошибался, так как эти стратегии предполагали в первую очередь разную внешнеполитическую обстановку. К тому же история повернулась так, что нереализованными оказались идеи всех национал-демократов, а события 1917 года привели к полному краху русского движения и победе украинства. Но можно сказать с абсолютной уверенностью, что все без исключения сторонники национал-демократических идей в начале XX века стояли на позициях общерусского единства и были противниками украинского сепаратизма.

Литература

Иванов А.А. Лозунг «Россия для русских» в консервативной мысли второй половины XIX века // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 34–42.

Иванов А.А. Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение. 2008. № 3 (17). С. 75–80.

Кострикова Е.Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. М.: Институт российской истории РАН, 2007.

Кривошеева Н.А. «Всецело приспособление к духу времени»: Первый советский разведчик

А.Ф. Филиппов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. 2009. № 3 (32). С. 70–98.

Лебедев С.К. Алексей Фролович Филиппов: литератор, банкир и чекист // Из глубины времен. СПб.: Издательство «Нестор», 1998. Вып. 10. С. 153–171.

Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка // *Миллер А.И.* Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005. С. 7–30.

Аннотация. В публикуемых разделах исследования, посвященного национал-демократическому движению Российской империи в начале XX века, анализируется широкий спектр мнений различных групп русских национал-демократов по таким проблемам, как административно-территориальное деление империи, окраинный (Польша, Финляндия, Закавказье и Средняя Азия) и национальный (еврейский, украинский, галицко-русский) вопросы. Подробно рассматривается отношение национал-демократов к возникновению и консолидации украинского национализма (украинства, «мазепинства»), а также значению австро-венгерской Галиции для развития этой идеологии.

Ключевые слова: империя, идеология, национал-демократия, русский национализм, нация, национальный вопрос, окраинный вопрос, еврейский вопрос, украинство.

Anton Chemakin, Post-graduate School Graduate, Russian History Department, Herzen Russian Pedagogical University (St. Petersburg). E-mail: chemakinanton@rambler.ru

Empire and National State. Pages of History

Abstract. In the chapters of the work published here and devoted to Russian national-democratic movement in the beginning of the 20th century, we find a detailed analysis of the wide range of opinions of various groups of Russian national democrats regarding such issues as administrative and territorial division of the empire, problems of provinces (Poland, Finland, Transcaucasia, Central Asia) and national problems (Hebrew, Ukrainian, Galician and Russian). The attitude of national democrats to the uprising and strengthening of the Ukrainian nationalism (such trends as “ukrainstvo” and “mazepinstvo”), and the influence of Galicia (part of Austria-Hungary) on the development of this ideology are closely investigated here.

Keywords: Empire, Ideology, National Democracy, Russian Nationalism, Nation, National Problem, Problem of Provinces, Hebrew Problem, “Ukrainstvo”.

